

Информация для цитирования:

Сидиков Д. А. Определение правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, по законодательству Республики Таджикистан // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2026. Вып. 3(73). С. 485–510. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-485-510. EDN AWEUJA

Sidiqov D. A. Establishing the Legal Regime of Intellectual Property Created With the Use of Artificial Intelligence Under the Legislation of the Republic of Tajikistan. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2026. Issue 3(73). Pp. 485–510. DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-485-510. EDN AWEUJA (In Russ.)

УДК 343.3

DOI 10.17072/1995-4190-2026-73-485-510

EDN <https://elibrary.ru/aweuja>

EDN AWEUJA

Определение правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, по законодательству Республики Таджикистан

Д. А. Сидиков

Российско-Таджикский (Славянский) университет

E-mail: sidiqov.dilshod@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.03.2026

Введение: высокий темп развития технологий искусственного интеллекта и модернизация его функциональности, позволившие ему имитировать когнитивные способности человека, сделали его ныне главным агрегатом в создании результатов интеллектуальной деятельности, которые по объективным признакам могут ничем не отличаться от продуктов, созданных творческой деятельностью человека. Такой процесс привел к изменению общественных отношений, что, безусловно, не могло не отразиться на состоянии и развитии законодательства об интеллектуальных правах. **Цель:** рассмотреть влияние искусственного интеллекта на состояние законодательства Республики Таджикистан об авторском праве, определить правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, в Республике Таджикистан. **Методы:** эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы, в том числе юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты:** по итогам исследования установлено, что принятая Постановлением Правительства «Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года» от 30 сентября 2022 г. № 483 стала своевременным шагом. Особенно ценным и верным признается закрепление в Стратегии искусственного интеллекта в качестве объекта права. **Выводы:** опираясь на глубокий анализ природы искусственного интеллекта и текущего уровня его развития, а также осмысливая разнообразные исследовательские подходы, автор заключает, что наделение искусственного интеллекта правосубъектностью для целей интеллектуального права не имеет под собой оснований и представляется нерациональным. Искусственный интеллект как сложный

© Сидиков Д. А., 2026

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

результат интеллектуальной деятельности является программой для ЭВМ, что делает его объектом авторских прав. С целью реализации положений пункта 47 Стратегии автор предлагает ряд мер по совершенствованию правового регулирования интеллектуальных прав в данной сфере, и прежде всего – определить режим смежных прав для результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; интеллектуальные права; авторские права; смежные права; результаты интеллектуальной деятельности; правовой режим; объект, субъект; Республика Таджикистан

Establishing the Legal Regime of Intellectual Property Created With the Use of Artificial Intelligence Under the Legislation of the Republic of Tajikistan

D. A. Sidiqov

Russian-Tajik (Slavonic) University

E-mail: sidiqov.dilshod@mail.ru

Received 17 Mar 2026

Introduction: the rapidly developing artificial intelligence technology, with its advancing capabilities that enable it to mimic human cognitive abilities, has become a major driver in creating intellectual property objects that, by objective standards, may be indistinguishable from products created through human creative activity. This process has led to changes in social relations, which inevitably affects the state and development of legislation on intellectual property rights. **Purpose:** to examine the impact of artificial intelligence on the copyright legislation of the Republic of Tajikistan and to determine the legal regime governing intellectual property objects created with the use of artificial intelligence in the Republic of Tajikistan. **Methods:** empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods, including legal dogmatics and the method of interpreting legal norms. **Results:** the study has found that the “Strategy for the Development of Artificial Intelligence in the Republic of Tajikistan for the Period Until 2040,” adopted by Government Decree No. 483 of September 30, 2022, was a timely step. The Strategy’s recognition of artificial intelligence as an object of law should be considered particularly appropriate and significant. **Conclusions:** drawing on an in-depth analysis of the nature of artificial intelligence and its current state of development, and having considered various research approaches, the author concludes that granting artificial intelligence legal personality under intellectual property law is unfounded and appears irrational. Artificial intelligence, as a complex result of intellectual activity, is a computer program, which makes it subject matter of copyright. Following the provisions of Item 47 of the Strategy, the author proposes certain measures intended to improve legal regulation of intellectual property rights in the field, these primarily including the establishment of the related rights regime for intellectual property created with the use of artificial intelligence.

Keywords: generative artificial intelligence; intellectual property rights; copyright; related rights; intellectual property; legal regime; object; rights holder; Republic of Tajikistan

Введение

Сегодня наука, техника и технология развиваются как никогда раньше. Каждый новый результат научно-технологического прогресса является прорывным, кардинально отличающимся от предыдущего. Одним из таких революционных результатов

на текущий момент по праву можно признать технологии искусственного интеллекта, особенно генеративного типа (искусственный интеллект), который начал внедряться в социально-экономические сферы различных стран: образование, здравоохранение, промышленность, привлечение инвестиций и услуги и т. д. Однако объем охвата

искусственным интеллектом этих сфер в той или иной стране прямо зависит от уровня развития и внедрения такой технологии в ней. В то же время множество государств, включая Республику Таджикистан, уделяют большое внимание искусственному интеллекту, предпринимают соответствующие меры по его развитию.

Для содействия развитию и внедрению искусственного интеллекта в Республике Таджикистан Постановлением Правительства от 30 сентября 2022 г. № 483 была принята Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года (далее – Стратегия)¹. В целях реализации ее положений Агентством инноваций и цифровых технологий при Президенте Республики Таджикистан, который осуществляет национальную политику в сфере искусственного интеллекта и цифровых технологий, создана Межведомственная комиссия по регулированию искусственного интеллекта². Наряду с этим в части содействия в развитии искусственного интеллекта при Министерстве промышленности и новых технологий Республики Таджикистан функционирует Совет по искусственному интеллекту и т. д. Об экономической значимости (повышении производительности и эффективности труда) внедрения искусственного интеллекта говорится в пункте 12 Стратегии, а в пункте 13 подчеркивается, что, по оценкам международных экспертов, к 2030 году за счет внедрения и использования технологий искусственного интеллекта мировой валовой продукт увеличится на 14 %, или 15,7 трлн долл. США.

В своем ежегодном послании парламенту Республики Таджикистан в 2024 году, посвященном основным направлениям внутренней и внешней политики, Президент страны Эмомали Рахмон особо отметил важность широкого применения искусственного интеллекта в сфере предоставления услуг и системы государственной регистрации. Он также обозначил это направление как ключевое для развития цифровой экономики в стране³. В 2025 году Президент Республики Таджикистан поручил Правительству страны «принять меры с целью использования возможностей искусственного интеллекта в процессе развития по созданию Национальной корпорации искусственного интеллекта, Регионального центра искусственного интеллекта и комплекса центров переработки “зелёной информации” (дата-центры)»⁴.

Параллельно с разработкой и внедрением искусственного интеллекта, являющимися одними из ключевых задач государства, не менее важным представляется формирование законодательной базы. Она призвана обеспечить адекватную правовую регламентацию общественных отношений, возникающих в связи с развитием искусственного интеллекта.

Поскольку появление искусственного интеллекта оказало непосредственное влияние на множество сфер общественной жизни, его воздействие особенно заметно в области интеллектуальных прав. Сегодня такой результат научно-технологического прогресса, как искусственный интеллект, начал широко применяться в создании разного вида продуктов интеллектуального труда – музыкальных произведений, кинофильмов, современных технологий и пр. Данная тенденция развития использования искусственного интеллекта требует немедленного и надлежащего правового оформления, в рамках которого важно решение вопроса возможности распространения на них режима интеллектуальных прав – установление правообладателя, способов использования, сроков правовой охраны и др. Для этой цели существуют доктрина, законодательство и судебная практика, однако достижение данной цели – задача не из простых.

Важно, что на данный процесс своевременно отреагировало Правительство Республики Таджикистан, указывая на необходимость принимать меры по разработке проекта Закона Республики Таджикистан «Об искусственном интеллекте», определяющего основы государственного регулирования в этой сфере, вносить изменения и дополнения в законы и кодексы, касающиеся правовой охраны искусственного интеллекта и связанных с ним отношений и др. (п. 47 Стратегии). В этих целях, а также для последующего доктринального осмысления Правительство определило понятие «искусственный интеллект» как «систему или компьютерное оборудование, которое способно имитировать интеллектуальные и аналитические способности человека для выполнения определенных задач» (п. 9). Стоит заметить, что близкие по содержанию дефиниции понятия «искусственный интеллект» приводятся разными учеными [40, с. 18; 12, с. 8; 4, с. 31]. Это свидетельствует о том, что положения Стратегии разрабатывались с учетом определенных достижений правовой науки.

¹ Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года: утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 сент. 2022 г. № 483. URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonun-hoview.php?showdetail=&asosi_id=26592

² URL: <https://egov.tj/site/innovation/press/news/details/1872?lang=ru>

³ Послание Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 28 дек 2024 г. URL: <https://president.tj/event/news/49237>

⁴ Послание Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 16 дек. 2025 г. URL: <https://president.tj/event/news/54185>

Однако не секрет, что где-то теория опережает практику, а где-то практика – теорию. В случае с искусственным интеллектом следует признать, что теория отчасти уступила практике (реальное (фактическое) общественное отношение, не упорядоченное правом в достаточной степени). Это вовсе не означает, что в доктрине не выработаны решения по определению правового режима результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с использованием искусственного интеллекта. В ней сформулированы разные теории для определения такого правового режима. Вместе с тем дискуссии в контексте данной проблемы не привели к формированию общего согласия или устойчивого большинства сторонников какого-либо одного подхода среди научного сообщества. Это может быть связано тем, что, как верно отметил В. О. Калятин, «не решен вопрос об установлении места искусственного интеллекта в правовой системе в целом» [19, с. 24], что указывает на лакуны в доктрине.

Тем не менее такое состояние в доктрине на текущий момент считаем не фатальным, ибо искусственный интеллект развивается прогрессивно и непредсказуемо. С каждым днем обновляются, совершенствуются, обогащаются его функциональные возможности. На каждые эти моменты (процессы) доктрина и законодательство, не говоря уже о судебной практике, реагируют незамедлительно. В доктрине в результате таких процессов некоторые научные подходы перестают быть актуальными и отвечать требованиям реальности либо, наоборот, обуславливают зарождение новых подходов и концепций.

Действительно, актуальность и сложность этого вопроса сохраняются и в настоящее время. В данном контексте формирование поспешных и, более того, категоричных заключений, призванных окончательно разрешить данный вопрос, представляется, на наш взгляд, рискованным. Тем не менее необходимо стремиться к выработке окончательной позиции, основываясь на реальном положении дел в общественных отношениях, особенно в свете повсеместного внедрения искусственного интеллекта и, в частности, в случаях, когда результаты интеллектуальной деятельности создаются с его помощью. В этих целях следует исследовать и развивать накопленные в рамках доктрины интеллектуальных прав научные подходы, изучать судебную практику, а также анализировать опыт стран с развитой экономикой и правом, где общественные отношения, особенно имущественные, достигли иной ступени зрелости.

Проблемы охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, в рамках авторского права

Термин «искусственный интеллект» впервые был использован еще в 1956 году американским ученым Д. Маккарти в докладе на конференции в Дартмутском университете [64, р. 36]. Однако именно в настоящее время охрана результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, стала жизненно важной и практически необходимой задачей права [19, с. 26]. Сейчас мы уже должны выходить за рамки прогностического осмысления гипотетических сценариев того, что может случиться, ибо сегодня всё это уже реальность – искусственный интеллект способен автономно без творческого участия человека создавать результаты интеллектуальной деятельности. В этом процессе (создании) роль человека сводится лишь к формулированию задач для функционирования искусственного интеллекта, чтобы последний мог дальше самостоятельно создать объект. По этому поводу в доктрине отмечено, что в режиме онлайн простое отдание команды еще не делает кого-то «автором» [29, с. 185; 57, pp. 133–134]. Именно эта действительность (обстоятельство) вызывает существенные сложности в сфере интеллектуальных прав, учитывая пробельность законодательства Республики Таджикистан в этом аспекте.

Для распространения авторско-правовой охраны на произведение, как это предусмотрено частью 1 статьи 5 Закона Республики Таджикистан «Об авторском праве и смежных правах» от 13 ноября 1998 г. № 726¹ (далее – Закон РТ об авторском праве), необходимо, чтобы оно, во-первых, было выражено в объективной форме и, во-вторых, создано творческим трудом. Следует заметить, что объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта, по форме ничем не отличаются от форм произведений, созданных человеком. Следовательно, неоспоримо, что объекты, созданные с помощью такой технологии, соответствуют критерию объективной формы выражения произведения, что не требует дальнейших доказательств. Однако сложность вызывает второй критерий – наличие творческого труда. В рамках данного обсуждения, не углубляясь в специфику анализа категории «творчество», отметим, что под ней традиционно понимается «процесс разумной человеческой деятельности, итогом которой становится создание качественно новых объектов, основной характеристикой которых является их уникальность, непохожесть на нечто существовавшее ранее» [22, с. 36–37]. Из данного

¹ Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Таджикистан от 13 нояб. 1998 г. под № 726. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=234

определения понятно, что творчество – это проявление интеллектуальной способности именно человека – физического лица в процессе создания результата интеллектуальной деятельности. При этом следует подчеркнуть, что участие человека не исчерпывается только процессом, оно опосредует и создание конечного результата, то есть последний достигается непосредственно творческими усилиями человека. Поэтому фигура человека играет определяющую роль в распространении авторско-правовой охраны на результаты интеллектуальной деятельности. Такой же позиции придерживается Закон РТ об авторском праве, где предусматривается, что «автор – физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение» (ст. 3).

В силу сказанного можно утверждать, что вопрос заключается не только в том, в какой мере созданные с использованием искусственного интеллекта произведения науки, литературы, искусства не похожи (или же не совпадают) на ранее существующие, но и непосредственно в творческом участии человека – физического лица, создающего такой продукт. Следовательно, Закон РТ об авторском праве не охраняет произведение, которое создано искусственным интеллектом без творческого участия человека-творца. Такой подход имеет место и в Германии, где произведением является «результат созидательной деятельности человека, “передающий человеческие мысли и чувства”, что приводит к отрицанию охраноспособности таких результатов, которые созданы машиной или, например, программой для ЭВМ без участия человека» [46, с. 532]. Аналогичная позиция была высказана в Решении Федерального суда Австралии от 2 февраля 2012 г. по делу *Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd*, согласно которому на произведение, созданное в результате функционирования компьютера и программных алгоритмов на нем, авторско-правовая охрана не распространяется, ибо произведение не создано автором-человеком (п. 57)¹.

Показательной является и статья 2(1) Закона Японии 1970 года (в редакции 2014 г.) «Об авторском праве», согласно которой произведение авторского права представляет собой результат, «в котором мысли или чувства выражены творческим образом»². Данное положение законодательного акта стало предметом анализа Р. А. Евдокимова, который разъясняет, что закрепленная в законе концепция «мыслей и чувств» была выработана Высоким судом Токио в процессе рассмотрения в 1987 году дела *Election Tip Sheet Case*, *Case, Second Instance*, *Tokyo High Cour.* В этом контексте исследователь подчеркивает, что если в продукте

(«произведении») не прослеживается отпечаток мысли и чувства человека, то оно не является охраноспособным. К числу подобных продуктов ученый отнес автоматически создаваемые компьютерами результаты интеллектуальной деятельности, а также результаты творчества животных и др. [16, с. 79–80].

В контексте законодательного регулирования актуализируется вопрос о правовом положении результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, при условии творческого (пусть и имплицитного) участия человека. Историческая аналогия с переходом от рукописных к машинописным произведениям демонстрирует, что инструменты (будь то перо, ручка или печатная машина) традиционно рассматривались как средства реализации человеческого творческого потенциала автора-человека, не влияя на охраноспособность самого произведения.

Изобретение фотоаппаратов кардинально изменило положение дел. В середине XIX века это стало настоящим вызовом для авторского права. Многие сомневались в оригинальности фотографий, считая их лишь механическими копиями, а не самостоятельными произведениями. Судебные инстанции даже ставили под вопрос адекватность законодателей, присвоивших фотографиям статус авторов. Со временем способность фотографий соответствовать критериям охраны авторским правом перестала вызывать сомнения у большинства [9, с. 181], хотя не у всех. Существовало мнение, согласно которому фотографические произведения не обладали творческим характером. Аргументация противников основывалась на представлении о том, что создание таких произведений осуществляется посредством механических и химических процессов, управляемых аппаратурой, а деятельность фотографа рассматривалась как обыденный труд, лишенный творческой составляющей [49, с. 63]. Данное разногласие нашло отражение и в ходе обсуждения перечня охраняемых произведений в рамках Бернской конвенции, где предложение Франции о включении фотографий было отклонено Германией, которая на тот момент не признавала их объектами произведения искусства [27, с. 288–289]. Тем не менее в 1908 году Бернская конвенция распространила авторско-правовую охрану на фотографические произведения. В Германии вопрос правовой охраны фотографий был глубоко проработан, что привело к формированию «двухъязычной» системы. Согласно ей фотографии, являющиеся результатом творческого интеллектуального труда, признаются объектами авторских

¹ Решение Федерального суда Австралии от 2 февр. 2012 г. по делу «*Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd*» [*Acohs Pty Ltd v Ucorp Pty Ltd* [2012] FCAFC 16 / Judgment of the Federal Court of Australia. 2012. URL: <http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/FCAFC/2012/16.html>]

² Copyright Act No. 48 of May 6, 1970 (as amended up to Act No. 35 of May 14, 2014) // WIPO Database «WIPO Lex». URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=479970

прав и охраняются авторским правом (§ 2(1) Закона об авторском праве ФРГ). Иные же фотографии, создание которых обусловлено в основном техническими, организационными или коммерческими факторами, получают смежно-правовую охрану [9, с. 183], будучи признанными объектами смежных прав (§ 72 Закона об авторском праве ФРГ).

Таким образом, со временем в силу преодоления определенных сложностей фотоаппарат стал рассматриваться как инструмент, посредством которого создается объект авторских прав – фотографическое произведение (ст. 6 Закона РТ об авторском праве). Очевидно, согласно Закону РТ об авторском праве об охраноспособности фотографических произведений речь пойдет только в том случае, если в их основе лежит творческая деятельность автора-человека.

В настоящее время мы сталкиваемся с аналогичной дилеммой в отношении искусственного интеллекта, однако она усугубляется повышенной сложностью, обусловленной его функциональными возможностями и потенциалом. Вопрос о правовом положении результатов интеллектуальной деятельности, созданных человеком с использованием искусственного интеллекта, остается неразрешенным в законодательстве Республики Таджикистан об интеллектуальных правах и не получил развития в судебной (правоприменительной) практике.

Верховный Суд Российской Федерации, стремясь к правовой ясности в сфере интеллектуальной деятельности, особо подчеркнул в пункте 80 Постановления Пленума от 23 апреля 2019 г. № 10 ключевой аспект, касающийся реализации человеческого творчества при создании результатов интеллектуальной деятельности, что является важным ориентиром для судов: «Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются». Такое пояснение, на наш взгляд, считается очень важным, особенно в настоящее время, когда развитие технических средств, посредством которых можно создать результаты интеллектуальной деятельности, находятся на ином уровне, ибо обладают многофункциональностью, причем иногда для достижения цели (создание объекта) не требуют больших усердий (интеллектуальных) человека. В свете современного технического прогресса, а также для обеспечения единообразия правоприменительной практики и предотвращения произвольного расширительного толкования норм Гражданского кодекса Российской

Федерации (далее – ГК РФ) судьями упомянутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ особо подчеркивает значимость творческого участия человека. Оно предписывает судам при определении принадлежности конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторских прав руководствоваться принципом, согласно которому таковым признается исключительно результат, возникший в процессе творческого труда. В данном контексте положительной следует признать норму, закрепленную в абзаце (е) части 1 статьи 4 Закона Республики Армения «Об авторском праве и смежных правах» от 15 июня 2006 г., где прямо предусматривается, что не являются объектами авторского права «результаты, полученные с помощью технических средств без творческой деятельности человека»¹.

В отношении поднятого вопроса В. О. Калятин указывает, что правовое регулирование не вызывает затруднений, когда искусственный интеллект выступает исключительно как инструмент (техническое средство) реализации творческой деятельности человека по созданию результата интеллектуальной деятельности. В этом положении искусственный интеллект рассматривается как программа ЭВМ – понятие, которое хорошо известно праву [19, с. 27]. В подтверждение вышесказанного стоит привести точку зрения И. В. Овчинникова, который отмечал, что и до возникновения генеративного искусственного интеллекта «традиционные» компьютерные программы уже были способны генерировать результаты, которые в контексте человеческой деятельности мы бы определили как творческие [34, с. 75].

Тем не менее необходимо признать, что использование человеком искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности вызывает множество сложных вопросов, в частности, определение его явного творческого участия, степени использования им такой технологии для обозначенной цели (создание) и т. д. В данном контексте отметим, что если человек при создании результата интеллектуальной деятельности использовал искусственный интеллект лишь как вспомогательный инструмент для рутинных задач (проверка, обработка, корректировка материала) или как отправную точку, которую затем существенно доработал своим творческим вкладом, придав ей свой уникальный замысел и личностный отпечаток, то такой результат считается произведением человека и подлежит авторско-правовой охране. Создатель в этом случае признается автором со всеми соответствующими неимущественными правами по Закону РТ об авторском праве.

¹ Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Армения от 15 июня 2006 г. под ЗР-142. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173423>.

**Недопустимость снижения уровня творчества
в целях распространения авторско-правовой
охраны на продукты, созданные
с использованием искусственного интеллекта**

В случаях, когда индивид активно вовлечен в процесс создания результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта – путем формулирования, модификации текстовых запросов и предоставления инструкций, что является выражением его творческого потенциала, – конечный результат не может быть полностью атрибутирован ему как единоличному создателю. Уровень креативности, демонстрируемый в таком взаимодействии, существенно уступает творческому вкладу человека, который достиг аналогичного результата без посредничества искусственного интеллекта.

В данном контексте речь идет о демаркации умственных способностей человека, а не о самом результате интеллектуальной деятельности как таковой. Человек, не использовавший искусственный интеллект при создании результата интеллектуальной деятельности, полностью контролирует весь этот процесс и самостоятельно, непосредственно доводит замысел до конечного результата. Иначе говоря, все компоненты, детали, а самое главное – итоговый результат создается именно человеком, что нельзя утверждать в отношении случаев, когда человек использует искусственный интеллект для создания результата интеллектуальной деятельности. Несмотря на то что он творчески (причем не явно) участвовал в процессе (задавая текстовые запросы) при создании такого результата, конечный продукт является не его творческим вкладом, а следствием функционирования искусственного интеллекта.

Такая несопоставимость уровня творчества, а также отсутствие непосредственного участия в конечном результате порождает сложность в распространении правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, в рамках авторского права, следовательно, и закреплении авторства за человеком, создавшим его. С целью подтверждения этих слов можно привести схожую ситуацию: например, лицо, объявлявшее публичный конкурс, формулируя техническое задание, детально описывает содержание, композицию и ключевые элементы будущей картины. Правомерно ли в таком случае считать лицо, чья роль ограничилась лишь концептуальным описанием (как в случае с лицом, вводящим тестовые запросы), но не непосредственным участием в творческом процессе создания произведения, автором? Представляется, что подобная претензия на авторство не имеет оснований.

Важно отметить, что для решения обозначенного вопроса в рамках авторского права снижение требований к уровню творческого характера

произведения не является достаточным. Такой подход для распространения авторско-правовой охраны на продукты, созданные с использованием искусственного интеллекта, на наш взгляд, не представляется продуктивным и справедливым. Ведь это, в первую очередь, затрагивает интересы тех людей, которые реально в процессе создания произведений вкладывают все свои умственные способности и непосредственно доводят замысел до конечного результата. Таких авторов-творцов будет меньше и меньше. Большинство, если не все, выберут легкий путь – прибегнуть к массированному использованию искусственного интеллекта для создания результатов интеллектуальной деятельности, что, несомненно, приведет к переходу от качества к количеству. Свидетельством тому может быть ситуация, связанная с Amazon.com, который был заполнен книгами, написанными/созданными с помощью генеративного искусственного интеллекта ChatGPT. Этот нюанс был предметом детального изучения со стороны Р. Диас Мартинса, который в итоге написал ряд статей: “Amazon is Being Flooded With Books Entirely Written by AI. It’s The Tip Of The Aiceberg”, опубликованную в журнале Futurism (The Byte); “Scammy AI-Generated Book Rewrites Are Flooding Amazon”, опубликованную в журнале Wired. Ученый, раскрывая содержание второй статьи, отметил, что в практике применения искусственного интеллекта наблюдается тенденция переписывания отдельными лицами известных книг в иной текстовой форме. Такие «произведения» он назвал мошенническими. Далее автор указывает, что в сложившейся ситуации проблема заключается не только в неочевидных формах нарушения авторских прав, но и в низком качестве имитаций произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. Примечательно, что, по его мнению, низкое качество подобных продуктов обусловлено не тем, что они сделаны искусственным интеллектом (который на данном этапе развития создает оригинальные результаты интеллектуальной деятельности, о которых будем вести речь ниже), а тем, что отдельные пользователи, действуя недобросовестно, используют сервис для создания и распространения низкокачественных, недоработанных произведений. Цель такого поведения – ввести в заблуждение покупателей, создавая ложное впечатление о приобретаемом продукте [13, с. 145].

Можно также привести другой случай, который получил широкий резонанс в СМИ и в социальных сетях в Российской Федерации, – когда студент Российского государственного гуманитарного университета для написания своей дипломной работы использовал искусственный интеллект ChatGPT. Оригинальность его работы на момент сдачи составляла 82 %. Факт использования ChatGPT при написании дипломной работы был раскрыт самим «автором»-студентом, после защиты. Однако диплом не был аннулирован [5, с. 102].

Случаи использования искусственного интеллекта при написании научных работ в Республике Таджикистан были зафиксированы Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан. Данный факт подтверждается информацией, размещенной 9 октября 2025 г. на ее официальном веб-ресурсе в рубрике «Новости» под заголовком «Искусственный интеллект не всегда достоверен». В ней сообщается, что анализ диссертаций и авторефератов, поданных на проверку оригинальности в ВАК при Президенте Республики Таджикистан, выявил случаи использования искусственного интеллекта при их подготовке. Далее подчеркивается: анализ динамики таких случаев показывает, что в сентябре 2025 года по сравнению с январем 2025 года количество диссертаций и авторефератов, подготовленных таким способом, увеличилось в 6 раз. Также приведена статистика касательно того, в каких областях науки было обнаружено использование искусственного интеллекта при подготовке диссертации и авторефератов: образование – 42, экономика – 28, политология – 10, филология – 6, юриспруденция – 6, техника и технология – 5, история – 3, аграрная сфера – 1, медицина – 1. Учитывая такое обстоятельство, ВАК при Президенте Республики Таджикистан предостерегла соискателей ученых степеней и званий и потребовала воздержаться от использования такого метода написания научной работы¹.

Таким образом, опубликованная информация демонстрирует негативную позицию ВАК при Президенте Республики Таджикистан по отношению к диссертациям, написанным с использованием искусственного интеллекта. Безусловно, данная позиция ВАК при Президенте Республики Таджикистан, на наш взгляд, является вполне обоснованной и корректной, поскольку диссертация, как научное квалификационное исследование, в первую очередь должна быть результатом научной творческой деятельности автора-человека (ученого), где отражается его личный вклад; научные положения, выводы и практические рекомендации, сделанные в ней, должны быть сформулированы автором самостоятельно и непосредственно; они должны отвечать критерию достоверности, новизны и т. д. Кроме того, диссертация выступает доказательством научной квалификации конкретного физического лица.

Продолжая рассуждение о неэффективности ослабления критериев творческой деятельности, следует отметить, что в рамках современной доктрины, с учетом стремительного прогресса искусственного интеллекта, существует точка зрения, согласно которой, несмотря на эти технологические

достижения, сущность творческого процесса остается неизменной [14, с. 22]. В свою очередь, В. О. Калятин подчеркнул неприменимость снижения требований к уровню творчества в странах континентальной правовой системы, к которым, в частности, относятся Российская Федерация и Республика Таджикистан. Ученый обосновывает свою позицию тем, что в текущей правовой системе простое снижение требований к творческой составляющей охраняемых объектов не решит проблему. Необходимо создать и применить новую модель правового регулирования, которая будет учитывать уникальные характеристики функционирования искусственного интеллекта [19, с. 28].

Исходя из вышесказанного, обстоятельство, при котором человек, использовавший искусственный интеллект (часто не как фиксацию действий) для создания результатов интеллектуальной деятельности, независимо от того, насколько он реализовал свое творчество (то есть насколько креативным являются его текстовые запросы (промпты)), и случаи, когда человек при таком использовании не проявил творческих способностей (то есть его текстовые запросы (промпты) были простыми и общими), но в итоге возник уникальный объект, нами рассматриваются как идентичные ситуации, поскольку в обоих случаях конечный продукт является не результатом, созданным творческим трудом человека, а продуктом функционирования искусственного интеллекта. В таком случае, говоря о результатах интеллектуальной деятельности (произведений), созданных с использованием искусственного интеллекта², мы подразумеваем, что конечный продукт создается не человеком, а машиной (искусственным интеллектом).

Здесь для целей правового регулирования ключевым фактором является сама природа продукта: его уникальность или оригинальность. На данном этапе развития техники и технологий создаваемые с помощью искусственного интеллекта результаты интеллектуальной деятельности по уникальности и (или) оригинальности могут не уступать и не отличаться от продуктов человеческого труда и порой могут даже превосходить их в части восприятия аудиторией. К тому же, наряду с оригинальностью, такие результаты обладают и экономической ценностью, что обусловило их участие в гражданском обороте. К примеру, А. И. Балашова приводит ряд показательных примеров из реальной практики, иллюстрирующих данную тенденцию. Среди них особо выделяется продажа на аукционе Christie's в Лондоне картины «Портрет Эдмонда де Белами», созданной нейросетью Generative Adversarial Networks, за внушительную

¹ URL: https://vak.tj/hac_new/index.php/navgoni/malumoti-umumi/2039-tava-u-ze-ni-sun-na-amesha-boe-timod-ast.

² В контексте настоящей статьи понятия «результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта» и «результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом» рассматриваются как равнозначные.

сумму в 432 тыс. долл. США; не менее впечатляющим представляется то, что четыре картины, созданные искусственным интеллектом Botto в форме NFT, были проданы на платформе SuperRare за 1 млн долл. США [3, с. 192]. Безусловно, возникновение таких оригинальных продуктов, созданных искусственным интеллектом, и складывающиеся в связи с этим отношения требуют незамедлительного законодательного регулирования. В данном контексте необходимо обратиться к опыту зарубежных стран.

**Опыт зарубежных стран
в вопросе охраноспособности результатов
интеллектуальной деятельности, созданных
с использованием искусственного интеллекта**

Прежде всего, заметим, что вопросы правовой охраны произведений, созданных машинами, поднимались и обсуждались на международном уровне в рамках деятельности Всемирной организации интеллектуальной собственности. В частности, в 1991 году экспертной группой был разработан проект Протокола к Бернской конвенции, куда были включены предложения по урегулированию вопросов, связанных с правовой охраной произведений, созданных компьютером. В частности, документ предлагал ввести понятие «произведение, созданное компьютером»; исключительные права на него должны были принадлежать тому, кто предпринял шаги для его создания (физическому или юридическому лицу), но без предоставления моральных (личных неимущественных) прав, предусмотренных статьей 6bis Бернской конвенции. Предлагался следующий срок охраны исключительного права: 25 лет для произведений прикладного искусства и 50 лет для остальных произведений, отсчитывая с момента их создания [65, р. 38]. Однако отмеченные идеи так и не получили закрепления в виде международных норм [39, с. 90].

Следует подчеркнуть, что предложения, представленные в проекте Протокола к Бернской конвенции, были сформированы под влиянием подхода, закрепленного в части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве, промышленных образцах и патентах от 1988 года (Закон Великобритании об авторском праве). Согласно этому подходу автором произведения, созданного компьютером, признается лицо, предпринявшее необходимые действия для его создания¹. В основе этого положения лежит концепция «фиктивного авторства», поскольку закон распространяет авторско-правовую охрану на произведения, не имеющие автора-человека, так как их конечный результат не является плодом творческих усилий человека. Примечательно, что статья 79 упомянутого закона не предоставляет такому «фиктивному

автору» права быть идентифицированным как автор, то есть признаваться как автор.

Необходимо также обратить внимание на то, что положения части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве стали предметом бурных дискуссий среди большинства ученых. Так, Д. Вейвер, интерпретируя данное положение, отмечает, что созданная в ней фигура «фиктивного автора» не имеет ничего общего с поощрением творчества человека. Далее он подчеркивает, что в качестве такой фигуры в большей степени выступают юридические лица, нежели человек. В силу этих наблюдений исследователь заключил, что такой подход направлен исключительно на защиту продукта капиталовложения (инвестиции) от недобросовестной конкуренции или незаконного присвоения [70, р. 162]. Схожую по содержанию мысль высказали Т. Бонд и С. Блэр, по мнению которых положение части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве было первой попыткой законодательного решения вопроса охраноспособности произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта, в рамках авторского права. Такой шаг, с их точки зрения, был принят для повышения доверия к инвестициям в искусственный интеллект, фактически послужив защитной мерой для этих вложений. Однако, как они далее заключают, часть 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве была принята еще в 1980-х годах, когда искусственный интеллект был лишь концепцией, поэтому она нуждается в обновлении, при котором должны быть учтены реалии функционирования искусственного интеллекта [52, р. 423].

Л. Бентли и Б. Шерман высказывают мнение о широкой интерпретации части 3 статьи 9 указанного Закона. По их мнению, понятие «лицо, которое сделало приготовления, необходимые для создания произведения» может охватывать как оператора компьютерной системы, так и того, кто предоставил или разработал программное обеспечение для нее [51, р. 127]. В данном контексте представляется важным замечание М. Кречмера, Б. Мелетти, Л. Х. Порангаба, указывающих, что определение лица, которое сделало приготовления, необходимые для создания произведения, согласно части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве, — не простая задача. За более чем 30 лет положения части 3 статьи 9 отмеченного Закона были применены лишь в одном судебном решении, а именно в деле *Nova Productions v Mazooma Games*, где Апелляционный суд постановил, что таким лицом является автор компьютерной программы, а не пользователь. Однако это решение касалось простой двумерной видеоигры и давало ограниченные рекомендации по вопросу продуктов, созданных с использованием искусственного интеллекта [60, р. 322].

¹ Copyright, Designs and Patents Act 1988 (UK). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48>

На это судебное дело также обратил внимание и П. Гулд, который отметил, что судья Джейкоб в рамках него постановил, что лицом, которое сделало «приготовления, необходимые для создания произведения», является лицо, внесшее «умение или труд художественного характера». Далее он предположил, что судья Джейкоб интерпретировал «приготовления, необходимые для создания произведения» как синоним «требования к оригинальности», и таким образом придал порогу оригинальности юридическое значение при определении того, кто должен быть правообладателем произведения [58, р. 10]. Проведя тщательный анализ указанной судебной практики и положений части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве, а также учитывая общие принципы авторского права, ученый пришел к выводу о целесообразности отмены части 3 статьи 9 указанного Закона в Великобритании.

Для подкрепления своей точки зрения автор указывает на противоречивость и избыточность части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве применительно к произведениям, у которых нет автора-человека. Он аргументирует это тем, что требование оригинальности (как результат интеллектуального труда автора) для правовой охраны таких произведений, при отсутствии человека-автора, является внутренне противоречивым. Ученый развивает мысль об избыточности данной нормы, подчеркивая, что если произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта, признавать оригинальными, то они и без применения части 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве получают правовую охрану по традиционным принципам авторского права. Единственный выход из дилеммы с частью 3 статьи 9 – принять, что она не подразумевает требования оригинальности. Но тогда мы столкнемся с проблемой: защита будет распространяться на неоригинальные компьютерные произведения [58, pp. 21–22] и т. д.

Рассматривая часть 3 статьи 9 Закона Великобритании об авторском праве и комментарии ученых к нему, можно обнаружить, что разработка такого законодательного положения была обусловлена экономическими соображениями – обеспечением возврата инвестиций. Следует согласиться с Р. Кларком и Ш. Смитом, что закрепленная в части 3 статьи 9 указанного Закона фигура «фиктивный автор» носит предпринимательский характер, а не творческий [55, р. 253]. Полагаем, что концепция «фиктивного авторства» как механизма легитимации применения авторско-правовых норм к продуктам, созданным машинами, не соответствует фундаментальным принципам авторского права. Данная

система ориентирована на охрану творческого труда человека, обеспечение его экономических интересов и стимулирование к созданию новых уникальных продуктов. Защита инвестиций не может служить основанием для модификации системы авторского права и искажения представлений об авторе, в частности, путем признания авторами неизвестных лиц, при этом без наделения их правом на идентификацию как таковых.

Продолжая анализ опыта зарубежных стран, важно констатировать, что вопрос охраноспособности продуктов, созданных с использованием искусственного интеллекта, был предметом рассмотрения суда в китайском городе Шэньчжэнь, который впервые признал авторские права на текст статьи, сгенерированный Tencent Robot Dreamwriter. По определению суда, статья содержит «оригинальные формулировки», а значит, должна рассматриваться как объект авторского права, защищаемый законом [5, с. 102]. Подобный случай признания авторско-правовой охраны за контентом, сгенерированным искусственным интеллектом, был зафиксирован также в Пекинском интернет-суде. Для закрепления своей позиции суд постановил, что на протяжении всего процесса генерации изображения в Stable Diffusion – от концептуализации до окончательного выбора изображения – истец вносил свой интеллектуальный вклад¹.

Иную обстановку можно наблюдать в правовом пространстве Республики Казахстан. Так, 17 ноября 2025 г. был принят Закон Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте»², в части 1 статьи 23 которого предусматривается следующее: «Произведения, созданные с использованием систем искусственного интеллекта, охраняются авторским правом только в случае наличия творческого вклада человека в их создание». Наряду с этим данный закон в качестве объектов авторских прав признает и текстовые запросы, которые загружаются (вводятся) в систему искусственного интеллекта для создания произведения, если такие запросы являются продуктом творческого труда человека (ч. 2 ст. 23).

Из содержания статьи 23 упомянутого Закона следует, что в Республике Казахстан впредь авторско-правовая охрана распространяется на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта. Следует заметить, что такой подход реализован на фоне того, что конечный результат произведения создается системой искусственного интеллекта, а не человеком. Роль последнего в таком процессе (создание) ограничивается лишь введением текстовых запросов (промптов).

¹ Beijing Internet Court Civil Judgment. 2023. Jing. 0491. Min Chu. № 11279. URL: <https://english.bjinternetcourt.gov.cn/pdf/BeijingInternetCourtCivilJudgment112792023.pdf>

² Об искусственном интеллекте: Закон Республики Казахстан от 17 нояб. 2025 г. № 230-VIII ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230>

Дискуссионный характер данного подхода уже был нами затронут в рамках анализа законодательства Республики Таджикистан. Тем не менее для обеспечения целостности изложения подчеркнем, что его спорность проистекает из двух ключевых факторов. Во-первых, процесс создания результатов интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта принципиально отличается от самостоятельного творческого акта человека (речь идет о процессе создания). Во-вторых, поскольку конечный продукт создается искусственным интеллектом, а не человеком-пользователем, он лишен индивидуального авторского почерка человека-создателя, что исключает возможность закрепления за человеком-пользователем статуса автора. В данном контексте считаем целесообразным подчеркнуть высказанную в доктрине точку зрения: «Сердцем и сутью охраны прав авторов в системе авторских прав является автор как человек. Автор получает охрану по авторскому праву как личность» [66, pp. 15–16]. Исходя из вышеизложенных аргументов, мы полагаем вполне обоснованным также не рассматривать человека – разработчика искусственного интеллекта в качестве автора, а продукт, созданный с использованием его технологии, – как его творение.

Что касается положения части 2 статьи 23 Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте», распространившего авторско-правовую охрану на текстовые запросы (промпты), которые пользователь вводит в систему искусственного интеллекта для создания текста, изображения, видео и т. д., то отметим, что представленный в нем подход также, на наш взгляд, является спорным. По вопросу текстовых запросов (промптов) мы ранее установили, что их можно классифицировать как «творческие» и стандартные (общие). Оба типа запросов рассматриваются нами на равных основаниях, поскольку ключевым критерием оценки является оригинальность и/или уникальность полученного результата. Следует отметить, что даже простые запросы способны порождать оригинальные произведения, которые могут отвечать интересам общества.

Затрагивая спорность вопроса о признании так называемых творческих текстовых запросов (промптов) объектами авторских прав, прежде всего необходимо подчеркнуть, что уровень творчества в них значительно ниже, чем это требуется для авторско-правовой охраны. Следует заметить, что введение промптов в систему искусственного интеллекта в большинстве случаев осуществляется поэтапно. На каждом этапе они могут быть скорректированы или добавлены, однако такой процесс не отражает высокий уровень творчества человека-пользователя. Кроме того, такая «площадка» (система искусственного интеллекта), ограничивая реализацию умственного потенциала

человека, очерчивает строгие рамки, где промпты, по всей вероятности, могут совпадать и повторяться. В этих случаях актуализируется вопрос о параллельном творчестве [21, с. 75–119], которое, в свою очередь, не имеет специального регулирования в рамках законодательства Республики Таджикистан.

Неурегулированность параллельного творчества и повторных произведений в рамках авторского права Республики Таджикистан считается обоснованным и оправданным, ибо основой авторско-правовой охраны произведений выступает их форма, которая делает их уникальным, и именно поэтому их невозможно создать повторно вследствие параллельного творчества разных лиц [26, с. 10], что нельзя однозначно утверждать в отношении текстовых запросов (промптов).

Кроме того, также заслуживают внимания сформулированные Н. Н. Ковалевой и М. А. Рожковой доводы против отнесения текстового запроса (промпта) к числу объектов авторских прав: «во-первых, формулирование промпта, как правило, имеет цель решения конкретных практических задач; во-вторых, промпт – это только постановка задачи перед искусственным интеллектом; в-третьих, при составлении промпта большей значительностью обладает профессиональный навык, нежели креативность» [23, с. 110–111].

Таким образом, если основной трудностью в вопросе распространения авторско-правовой охраны на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, является невозможность признания пользователя автором из-за недостаточной степени его творческого вклада и того факта, что конечный продукт не является его непосредственным творением, то возникает закономерный вопрос: может ли сам искусственный интеллект быть признан автором в качестве одного из возможных решений данной проблемы? Рассмотрим его подробнее в следующем разделе статьи.

Вопрос возможности признания искусственного интеллекта автором в целях распространения авторско-правовой охраны на создаваемые им продукты интеллектуального труда

В юридической литературе встречается точка зрения А. Рамальхо, по утверждению которого искусственный интеллект *de facto* является автором созданных продуктов, однако его юридическое признание таковым остается нерешенным [67, р. 20].

К. Р. Дэвис, со своей стороны, занял более радикальную позицию, утверждая, что лишь машина может быть признана автором созданного объекта. Для достижения такого статуса, а следовательно, и закрепления за ним авторских исключительных прав исследователь предлагает юридически оформить его как самостоятельное лицо (субъект права) [56,

р. 614]. Привлекательность идеи о том, что искусственный интеллект может быть автором, очевидна, ведь именно он создает произведение. Однако главное и непреодолимое препятствие заключается в том, что искусственный интеллект не обладает правосубъектностью. Кроме того, его творческие способности являются предметом активных дискуссий среди юристов [8, с. 7–13; 25, с. 12; 31, с. 112].

Итак, признание искусственного интеллекта автором равносильно признанию его субъектом права. Однако вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта является весьма спорным в доктрине права. Прежде всего, следует подчеркнуть, что концептуальная основа сторонников, признающих искусственный интеллект в качестве субъекта права, строится на базе его когнитивных способностей (самообучения, способности решать поставленные задачи не по заранее заданному алгоритму и т. д.), которые делают его «похожим» на человека.

В то же время идея о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью также получила негативную оценку в доктрине права. Среди них можно выделить точку зрения А. И. Балашовой, которая считает, что на данном этапе развития в силу отсутствия у искусственного интеллекта таких конституирующих признаков субъекта права, как «воля», «волеизъявление» и «интерес», невозможно определить его как самостоятельного субъекта права [2, с. 91].

А. В. Нестеров, анализируя вопрос о правосубъектности робота с элементами искусственного интеллекта, пришел к выводу, что последний не может быть субъектом права, поскольку, так или иначе, сделки совершаются дееспособными субъектами, а роботы только выполняют их поручения [33, с. 7].

Между тем А. Гурко, выступая против правосубъектности искусственного интеллекта, приводит следующие аргументы: во-первых, он не в состоянии осуществлять и распоряжаться правами; во-вторых, право должно защищать интересы людей, а не наделять машины определенным правовым статусом ради решения существующих правовых проблем [12, с. 11].

В. Витко, в свою очередь, считает, что если признать искусственный интеллект автором, то есть субъектом права, в то время когда он, как программа, является объектом гражданских прав, то, несомненно, такое обстоятельство – искусственный интеллект одновременно в статусе субъекта и объекта права – создаст абсурдные «юридические отношения» [7, с. 19].

В Республике Таджикистан исследованием данной проблематики занимался Ф. С. Сулаймонов, который с осторожностью отметил, что признание искусственного интеллекта в качестве субъекта права может обусловить возникновение множества вопросов: каким образом он будет осуществлять или

распоряжаться своими правами? какой объем прав у него будет? каким имуществом он будет отвечать перед своими кредиторами? Кроме того, ученый открыто возразил против одновременного признания искусственного интеллекта в качестве субъекта и объекта права. Он объяснил свою позицию тем, что согласно общепринятым теоретическим воззрениям объект и субъект права обособлены, отделены друг от друга; они не могут рассматриваться в единстве, ибо действие субъекта направлено именно на объект [41].

На наш взгляд, приведенные позиции ученых являются аргументированными и имеют достаточные теоретико-правовые основания. Тем не менее стоит заметить, что состояние искусственного интеллекта, выражающееся в невозможности осуществлять, распоряжаться своими правами, защищать их и т. д. (по крайней мере на данном этапе развития технологии), не является существенным барьером в закреплении права за определенной юридической сущностью. В качестве иллюстрации можно привести доктринально и нормативно (юридически) оформленный институт юридического лица. Ввиду этого некоторые исследователи, поддерживающие концепцию о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью, предлагают использовать фиктивный подход юридического лица. Исходя из анализа опыта Великобритании, США и Европейского союза, Э. А. Шахназарова предполагает, что идею юридической фикции, лежащую в основе правового статуса юридического лица, можно успешно применить и к искусственному интеллекту, наделив его правосубъектностью [48, с. 44]. В продолжение этой линии рассуждений А. В. Нестеров задается вопросом: если юридическое лицо – это юридическая фикция, то не стоит ли рассматривать искусственный интеллект как очередную такую фикцию, представляющую собой некую организационную конструкцию с интегрированным искусственным интеллектом [33, с. 7]? Следует подчеркнуть, что введение правосубъектности для юридических лиц было продиктовано стремлением ограничить ответственность в коммерческой деятельности. Именно этот аспект – ограничение ответственности, – как верно указывает В. О. Калятин, мог бы стать ключевым аргументом в пользу предоставления правосубъектности искусственному интеллекту, деятельность которого потенциально способна причинить убытки другим сторонам [19, с. 42–43] и который, как отмечает А. Морриги, сам по себе не может нести ответственность [62, р. 7]. Однако в данной ситуации возникает вопрос о целесообразности признания искусственного интеллекта в качестве самостоятельного субъекта, с учетом уже существующего института юридического лица, изначально предназначенного для ограничения ответственности.

Ввиду этого считаем вполне закономерным поставленный Г. А. Гаджиевым и Е. А. Войниканис вопрос: не признать ли в будущем искусственный интеллект (по мере его совершенствования) особой разновидностью юридических лиц? Ученые также указывают на возможность применения альтернативного подхода, заключающегося в использовании уже разработанной юридической техники уподобления в отношении искусственного интеллекта. В качестве иллюстрации они приводят пункт 2 статьи 124 ГК РФ, где публично-правовые образования приравниваются к юридическим лицам [10, с. 45].

К. С. Мусина развивает идею признания искусственного интеллекта как разновидности юридического лица, предлагая расширить институт юридических лиц для создания новой категории – кибернетических «электронных организмов» [30, с. 141]. Соглашаясь с подходом К. С. Мусиной, И. А. Филипова и В. Д. Коротеев отмечают, что для его оптимальной реализации целесообразнее рассматривать юридическое лицо за пределами традиционного его определения, закрепленного в статье 48 ГК РФ. Другими словами, оно должно пониматься в более широком смысле, когда юридическим лицом признается любая правовая конструкция, не являющаяся физическим лицом [45, с. 373]. Возможность рассматривать искусственный интеллект как отдельный вид юридического лица отмечена и в зарубежной литературе [61, р. 55].

Некоторые исследователи продвигают идею о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью, предлагая рассматривать его как «электронное лицо» и предоставлять ему субъективные права.

Термин «электронное лицо» впервые был упомянут в 1967 году в статье для журнала LIFE [61, р. 16; 54]. Позже он был закреплен в Резолюции Европейского Парламента вместе с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике» (Резолюция Европейского Парламента от 2017 г.)¹. В ней указывается, что в долгосрочной перспективе для наиболее сложных автономных роботов целесообразно предусмотреть специальный правовой статус «электронных лиц» (electronic persons), которые несут ответственность за любой причиненный ими вред и могут иметь определенные права и обязанности, если самостоятельно вступают в правовые отношения с третьими лицами (подп. «f» п. 59).

Стоит заметить, что с момента принятия Резолюции вопрос о правосубъектности искусственного

интеллекта как электронного лица продолжает занимать центральное место в научной повестке, сопровождаясь нарастающей активностью доктринальных дискуссий. В частности, О. А. Ястребов отмечает, что в современных условиях одним из важнейших направлений развития российского права являются именно теоретические исследования проблематики искусственного интеллекта и «электронного лица» [50, с. 325].

Категория «электронное лицо» было рассмотрено А. Н. Артемовой с позиции экономического подхода к анализу права. Она, указывая на конструкцию юридического лица, отмечает, что сущность его правосубъектности заключалась в ограничении ответственности, привлечении капитала, минимизации рисков, поощрении инвестиции, что в результате оказало положительное влияние на экономическое состояние общества. Делая акцент на этих аспектах и используя данную конструкцию в качестве аналога, исследователь дала положительную оценку введению в оборот категории «электронные лица» для автономных систем искусственного интеллекта, обозначив, что такой шаг может быть экономически оправданным и согласуется с вызовами цифровой экономики [1, с. 181].

Н. В. Кузнецова, также проанализировав вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта, заключила, что для наиболее эффективного решения в целях формирования правового режима искусственного интеллекта в Российской Федерации целесообразным представляется принятие специального закона об искусственном интеллекте, по сути, схожего с Регламентом ЕС (2024/1689) об искусственном интеллекте². В этот закон необходимо включить отдельные нормы, регламентирующие правосубъектность искусственного интеллекта как особого (электронного) субъекта права с некоторыми изъятиями [24, с. 31]. Важно помнить, что указанный регламент является ориентиром для формирования странами-участницами общей нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность по использованию искусственного интеллекта. В нем отражен рискориентированный подход к искусственному интеллекту, поскольку в рамках правового регулирования последнего регламентом учитываются риски его применения для здоровья граждан, их безопасности и основных прав.

Между тем Е. В. Вавилин, заострив внимание на статусе искусственного интеллекта, приходит к выводу, что последний, будучи на стадии создания объектом интеллектуальных прав разработчиков программного обеспечения, после соответствующей сертификации, государственной регистрации может

¹ European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN>

² European Parliament and Council of the European Union. (2024, June 13). *Regulation (EU) 2024/1689 on artificial intelligence*. Official Journal of the European Union. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d79f3e5d-41bc-11f0-b9f2-01aa75ed71a1/language-en/pdf>

быть наделен статусом субъекта права – электронного лица. Далее он подчеркивает, что правоспособность и дееспособность такого лица имеет специальный характер [6, с. 155].

Проблематика правосубъектности «электронного лица» была предметом обстоятельного исследования в научном труде П. М. Морхата, в рамках которого ученый отметил, что концепция электронного лица (в качестве возможного субъекта права) является новой для современной правовой доктрины. Исходя из этого, классифицируя субъектов на индивидуальные (физические лица) и коллективные (организации, государство и т. д.), он задался вопросом о том, впишется ли электронное лицо в обозначенную классификацию [29, с. 293]. Для решения этого вопроса он, с должной степенью детализации проанализировав концепты индивидуального и коллективного субъекта права применительно к электронному лицу [29, с. 302–316], пришел к выводу, что концепт правосубъектности «электронного лица» является гибридным, интегрируя в себе некоторые элементы уже существующих концептов правосубъектности физических, но более всего – юридических лиц, в интерсекциональности этих двух концептов, но всё же обладая при этом самостоятельностью и уникальностью [29, с. 339].

В свою очередь, Е. С. Тютчева, исследовав свойства искусственного интеллекта в корреляции с физическими и юридическими лицами, пришла к умозаключению, что в полной мере использование правосубъектности этих лиц в качестве правового фундамента для формирования надлежащей правосубъектности «электронного лица» считается неправильным [43, с. 50].

В контексте обсуждения электронного лица как независимого субъекта права, наряду с уже существующими физическими и юридическими лицами, А. А. Карцхия также внес свой вклад. Его исследование, хотя и допускает потенциальное появление самостоятельного искусственного интеллекта в статусе электронного лица, акцентирует внимание на необходимости его функционирования в правовом поле под надзором человека-принципала [20, с. 30].

Необходимо заметить, что сущность категории «электронное лицо» на теоретическом уровне недостаточно проработана. Поэтому в правовой доктрине ее дефиниция раскрывается с точки зрения разных подходов. В частности, «электронное лицо» определяется как абстрактная юридическая форма (а не биоэтическая или философская констатация) [29, с. 300]; как носитель искусственного интеллекта (машина, робот, программа), обладающий разумом, аналогичным человеческому [44, с. 359], и т. д.

Таким образом, приведенные выше позиции исследователей главным образом подчеркивают важность решения вопроса о надлежащем правовом регулировании имущественных отношений с

участием искусственного интеллекта. Основательно изучив и проанализировав доводы и аргументы ученых, мы можем подчеркнуть, что попытки наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью прежде всего ориентированы на искусственный интеллект, который в состоянии самостоятельно, автономно, без вмешательства человека, осуществлять свою деятельность. По этой причине закономерно, что в доктрине права искусственный интеллект делят на слабый (weak AI) и сильный (strong AI) [53, р. 3; 59, pp. 45–47; 32, с. 532; 37, с. 43–57]. На данном этапе развития технологий речь идет о слабом искусственном интеллекте, который, в отличие от сильного, ограничен в возможностях, в частности абсолютно не автономен, не в состоянии полностью и абсолютно имитировать человеческие способности, мыслить и осознавать себя как минимум на уровне человека, не способен к самоорганизации и т. д. Поэтому в большинстве случаев, когда в юридической литературе возникает спор о наделянии искусственного интеллекта статусом субъекта права, речь идет именно о сильном искусственном интеллекте, который, по мнению некоторых авторов, появится лишь через весьма длительное время [53, р. 3]. В настоящем формирование сильного искусственного интеллекта представляется невозможным, ибо у человечества нет полноценного понимания того, как устроен человеческий мозг и как он работает [32, с. 532].

С учетом сказанного можно утверждать, что сегодня нет достаточных оснований, как научных, так и нормативных (законодательных), говорить об искусственном интеллекте как о субъекте права. Более того, не наблюдается насущной практической необходимости для реализации такого шага. О правосубъектности искусственного интеллекта можно говорить лишь на перспективу, исходя из степени его развития. При этом процесс теоретического осмысления этого вопроса не должен прекращаться. Ведь практика показывает, что появление искусственного интеллекта сильно повлияло, помимо прочего, на развитие науки и техники, а он сам в это время совершенствуется слишком быстро. Поэтому в этом русле нужно усердно развивать правовую доктрину, рассматривать самые разные вариации появления сильного искусственного интеллекта и последствия признания его как субъекта права. К примеру, благодаря теоретическому и иному правовому осмыслению учеными-исследователями на данный момент мы имеем некоторые гипотезы в виде юридической конструкции (юридического лица и электронного лица) для оформления искусственного интеллекта как субъекта права. Указанные гипотезы и предположения должны постоянно изучаться, анализироваться и оцениваться, чтобы в этом вопросе найти точку соприкосновения.

Касательно указанных юридических конструкций для оформления искусственного интеллекта как субъекта права, соответственно, как «автора» произведения, выскажем некоторые свои соображения. Не стоит забывать, что вопрос придания искусственному интеллекту статуса субъекта права поднимается в основном в связи с его возможностями имитировать когнитивные способности человека. Если основой придания искусственному интеллекту статуса субъекта права является этот фактор (способность), то в чем смысл признания его в качестве юридического лица или, как указано выше, особого вида юридического лица, когда такое лицо (юридическое), так или иначе, полностью контролируется человеком, то есть ключевым фактором в его деятельности выступает способность человека? Если попытки применения конструкции юридического лица к искусственному интеллекту осуществляются исключительно в целях возложения ответственности на него, то в таком случае данный подход, на наш взгляд, фундаментально является неверным. Ведь суть признания юридического лица как субъекта строится на ограничении ответственности физического лица-человека, который при этом стоит за ней, и все действия юридического лица зависят от него; он тем или иным способом реализует его действия. Сказанное нельзя применить к искусственному интеллекту (сильному), поскольку его автономность, самостоятельность и признанность субъектом права по форме (наподобие) юридического лица повлекут за собой независимость его «воли» от человеческой, а также непредсказуемость его действий, что может привести к различным негативным последствиям. В таком контексте речь идет не столько об ограничении ответственности, сколько о полном ее снятии с разработчиков или иных правообладателей.

Категория «электронное лицо», предполагающая юридическое оформление искусственного интеллекта в качестве субъекта права, по нашему мнению, в некоторой степени заслуживает положительной оценки. Ее появление в научном обороте обусловлено необходимостью теоретического осмысления и юридической артикуляции нового явления для определения его пригодности и общественной полезности. В этих целях в рамках настоящей статьи были представлены различные исследовательские позиции и выводы, касающиеся применимости концепции электронного лица для наделения искусственного интеллекта правосубъектностью и его экономической целесообразности. Наряду с этим было констатировано, что на доктринальном уровне осуществляется научно-теоретический анализ свойств физических и юридических лиц в сопоставлении со свойствами электронного лица с целью формирования правосубъектности последнего на основе правосубъектности указанных лиц.

Дискуссия о будущем признании сильного искусственного интеллекта субъектом права, выраженным в форме «электронного лица», берет свое начало в Резолюции Европейского Парламента 2017 года. Этот документ, несмотря на свою значимость, столкнулся с критикой. В частности, Ж. Лебретон выступил против положений, касающихся наделения искусственного интеллекта статусом субъекта, основываясь на следующих аргументах: во-первых, он предвидел потенциальное снятие ответственности с производителей и пользователей искусственного интеллекта, что могло бы быть выгодно влиятельным лоббистским группам; во-вторых, он акцентировал внимание на уникальности человеческой личности, обладающей духовным измерением, которое принципиально отличает ее от любого искусственного интеллекта [10, с. 37].

Кроме того, указанное положение Резолюции, будучи на стадии проекта, стало предметом специального исследования Н. Натали, которое, в свою очередь, было инициировано Комитетом по правовым делам Европарламента в целях юридической и этической оценки и анализа некоторых будущих норм европейского гражданского права в области робототехники. Н. Натали в рамках своей работы умозаключила, что «было бы неправильным и неуместным не только признавать существование электронного субъекта, но даже создать такую юридическую личность. Это приведет не только к риску наделения правами и обязанностями того, что является простым инструментом, но и нарушит границы между человеком и машиной, сделает размытыми грань между живым и неживым, человеком и нечеловеческим <...> присвоение статуса личности неживой, бессознательной сущности является ошибкой, поскольку, в конечном итоге, человечество, скорее всего, будет низведено до уровня машины. Роботы должны служить человечеству и не должны играть никакой другой роли, кроме как в сфере научной фантастики» [63, pp. 15–16].

Принимая во внимание высказывания автора, следует констатировать их неоспоримую обоснованность как с юридической, так и с этической позиции. В связи с этим в процессе изучения правосубъектности потенциального сильного искусственного интеллекта, представленного в виде электронного лица, исследователям надлежит акцентировать внимание на данных положениях.

Таким образом, с учетом текущего уровня развития искусственного интеллекта мы придерживаемся принципиальной позиции, что недопустимо наделение искусственного интеллекта правосубъектностью. Искусственный интеллект по своей характеристике выступает объектом, а не субъектом права. С точки зрения объекта права он рассматривается как сложный результат интеллектуальной деятельности человека, в связи с чем является объектом интеллектуальных прав, а именно авторских прав. Поэтому, на наш взгляд, положение

пункта 9 Стратегии развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года, где искусственный интеллект рассматривается как объект, а не субъект права, является вполне обоснованным и правильным.

Определившись с тем, что искусственный интеллект не может быть субъектом права, вернемся к вышеуказанному вопросу: можно ли в целях распространения авторско-правовой охраны на результаты интеллектуальной деятельности, созданных посредством искусственного интеллекта, признать последнего автором? Исходя из того, что искусственный интеллект на данном этапе развития не может выступать как субъект права, ответ в этом случае очевиден: если он не является субъектом права, то невозможно рассмотреть его как автора и закрепить за ним авторство.

Заглядывая в будущее, представим, что появится сильный искусственный интеллект и возникнет вопрос о его правосубъектности. Если в итоге искусственный интеллект будет наделен статусом субъекта права, сможет ли он считаться автором произведений? Следует отметить, что правосубъектность искусственного интеллекта, скорее всего, будет основана на юридической фикции, подобно юридическим лицам, что определит его как «негуманоидного субъекта». Однако действующий Закон Республики Таджикистан об авторском праве (ст. 3) устанавливает, что автором произведения может быть исключительно физическое лицо (человек). Следовательно, Закон не признает других субъектов – юридическое лицо, государство в качестве автора произведения. Таким образом, в рамках текущего законодательства искусственный интеллект не может быть признан автором. Признание искусственного интеллекта субъектом права не влечет за собой автоматического признания его автором, поскольку авторство традиционно ассоциируется с гуманоидным субъектом. Мы полагаем, что данная позиция законодателя является обоснованной и целесообразной, поскольку она акцентирует внимание на личностном характере творческого процесса. В связи с этим мы выступаем против любых попыток реформирования концепции авторского права с целью признания негуманоидного субъекта автором. Анализ доктринальных источников демонстрирует, что подобное изменение может привести к серьезным дестабилизирующим последствиям, таким как подрыв существующих правовых систем и возникновение правовой неопределенности в различных юрисдикциях [29, с. 170–171].

Исходя из проведенного выше анализа, можем заключить, что идея о распространении авторско-правовой охраны на результаты интеллектуальной деятельности (произведений), созданных посредством искусственного интеллекта, представляется весьма дискуссионной и недостаточно обоснованной.

Режим смежных прав как оптимальный вариант для результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта

Обеспечение правовой охраны таких продуктов необязательно должно осуществляться именно в рамках авторского права, как это верно подчеркивается в юридической литературе [69, pp. 299–307]. Это также не означает, что для них следует конструировать новый правовой режим. Здесь следует согласиться с точкой зрения Е. А. Суханова, которая, по нашему мнению, представляется уместной и отличается методологической эффективностью. Так, исследователь отмечает, что формирование новых правовых режимов целесообразно только в том случае, если юридическая природа новых объектов и явлений не позволяет включить их в сложившийся правопорядок [42, с. 37–52]. Иными словами, в первую очередь необходимо исходить из существующих правовых режимов, чтобы адаптировать правовое регулирование указанных результатов в рамках них.

Для достижения поставленных целей в отношении результатов, созданных с использованием искусственного интеллекта, наиболее подходящим правовым режимом представляется действующий режим смежных прав. В отличие от авторского права, смежные права не требуют наличия творческого вклада человека¹, а лишь опосредованно связаны с соответствующими сферами. К тому же данный институт интеллектуальных прав, как верно отмечает А. Г. Матвеев, «благодаря его емкому и нейтральному по содержанию названию является сегодня наиболее удобной в интеллектуальном праве платформой для пролиферации исключительных прав» [28, с. 59]. Соглашаясь с рассуждениями автора, добавим, что за последние несколько лет в законодательстве множества государств круг смежных прав значительно расширился. В частности, в Российской Федерации в качестве смежных прав начали рассматривать права на инвестиционные базы данных (нетворческие база данных); в ЕС – право изготовителей кинофильмов (право на видеозаписи); права на произведения, впервые опубликованные после того, как они перешли в общественное достояние и др.; в Австрии – право на фотографии, не охраняемые авторским правом и др.; в Италии – право на трансляцию спортивных мероприятий и т. д. [28, с. 55]. Кроме того, акцент на распространение режима смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, в 2018 году был сделан Высшим советом по литературной и художественной собственности Франции, который исходил из неприменимости положений авторского права к таким результатам [17].

¹ Правда, за исключением исполнения, которое может обладать творческой и индивидуальной спецификой.

Итак, определяя режим смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом (конечный результат создается не человеком, а машиной), необходимо осуществить доработку и внести ясность в некоторые аспекты.

Одним из главных таких аспектов является вопрос определения субъекта смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта. Прежде всего, для решения этого вопроса надо исходить из цели предоставления подобным объектам правовой охраны. Таковой является стимулирование деятельности по созданию этих продуктов. Например, законодательное обеспечение авторов исключительными (имущественными) правами на созданные ими произведения способствовало их стимулированию к созданию новых произведений. Не секрет, что в нынешних условиях стремление любого человека направлено на повышение и укрепление своего экономического благосостояния. Поэтому необходимо поощрять то лицо (наделив его исключительным правом), от которого зависело бы развитие и создание новых продуктов интеллектуального труда.

Заслуживает внимания глубокое исследование, проведенное В. О. Калятиным в контексте определения субъекта права на продукты интеллектуального труда, созданные с использованием искусственного интеллекта. В рамках анализа участников процесса создания таких объектов исследователь предложил рассматривать в качестве вероятных субъектов права следующих лиц: «лицо, разработавшее программу, лежащую в основе искусственного интеллекта; лицо, организовавшее функционирование искусственного интеллекта и создание тематики результатов интеллектуальной деятельности (и разновидность такого субъекта-инвестора); пользователь искусственного интеллекта; сам искусственный интеллект. Кроме того, возможны промежуточные модели: соавторство искусственного интеллекта и человека; фиктивное авторство» [19, с. 37].

Все приведенные варианты, как отмечает сам ученый, не пользуются однозначной поддержкой, имеют свои как положительные, так и отрицательные стороны. Поэтому, исходя из нашей позиции (непризнание правосубъектности искусственного интеллекта и определение режима смежных прав для результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом), хотели бы исключить искусственный интеллект и промежуточные модели (о которых говорил В. О. Калятин) из вариантов определения субъекта права на такие результаты, поскольку указанные промежуточные модели представляют собой попытку распространения авторско-правовой охраны на продукты интеллектуального труда, созданные с использованием искусственного интеллекта.

Что касается лица, разработавшего программное обеспечение, лежащее в основе искусственного интеллекта (разработчика), отметим, что в доктрине высказываются аргументы в пользу наделяния его исключительным правом. Среди ученых, разделяющих эту точку зрения, можно отметить В. Н. Синельникову, О. В. Ревинского [40, с. 18–22], Ю. Гульбина [11, с. 39], И. В. Савельеву [36, с. 19], А. П. Сергееву [38, с. 138], С. Руперес, Э. Гутьеррес, С. Пуэнте, Х. А. Оливарс [68, pp. 294–295] и др.

Однако однозначное определение разработчика в качестве субъекта предлагаемого нами смежного права представляется очень спорным. Это обусловлено тем, что он является автором самого искусственного интеллекта, внесшим в его создание творческий вклад, определившим методы его функционирования. При этом он не вносит вклад в продукты, создаваемые искусственным интеллектом. Иначе говоря, он создает объект, которым могут пользоваться другие лица как инструментом для создания новых результатов интеллектуальной деятельности. Следовательно, необходимо стимулировать не разработчика, а лицо, которое посредством такого объекта создает новые продукты для общества. Что же касается стимулирования разработчика, то оно связано с его деятельностью – развитием и созданием новых искусственных интеллектов. В этой сфере интересы разработчика в достаточной мере обеспечены авторским правом. Поэтому наделяние разработчика еще и исключительными смежными правами на продукты, созданные его программой, было бы уже сверхстимулированием, не оправданным с точки зрения общественного интереса. В частности, это может привести к монополизации рынка, поскольку исключительные права на все создаваемые искусственным интеллектом продукты принадлежали бы лишь ограниченному числу ведущих разработчиков на рынке вместо огромного числа конкурирующих лиц.

Кроме того, в доктрине, в контексте справедливости, поднимается вопрос о том, целесообразно ли наделять разработчика исключительным правом. В частности, Е. П. Сесицкий отмечает, что если искусственный интеллект в процессе самообучения модифицируется, приобретает новые, дополнительные способности, которые не были непосредственно заложены разработчиком на этапе программирования, то в таком случае возникает закономерный вопрос о правовой оправданности закрепления исключительного права за разработчиком, который, по всей видимости, не имеет отношения к новым, дополнительным способностям искусственного интеллекта [39, с. 147].

Принимая во внимание значительные трудозатраты разработчиков, создавших и постоянно оптимизирующих высокоэффективный «легкий» инструмент (который с каждым днем модернизируется и становится еще «легче») – искусственный

интеллект для создания результатов интеллектуальной деятельности, а также их вклад в развитие данной технологической сферы, в целях обеспечения их законных интересов целесообразно предоставить им право требования на указание наименования разработанных ими технологий в продуктах интеллектуального труда, созданных с использованием последних. Данная мера будет способствовать рыночному продвижению их искусственного интеллекта, повышению их узнаваемости, обеспечению конкурентных преимуществ и расширению пользовательской аудитории, что окажет положительное влияние на их экономическое состояние. Часто «право требования на указание наименования» не может обеспечить перечисленных преимуществ, если их (разработчиков) искусственный интеллект не будет функционировать на качественно высоком уровне, не будет обновляться с учетом вызовов реальности. Поэтому для экономического благосостояния разработчика наделяемое им право должно сопровождаться их творческими, новаторскими усердиями, чтобы их искусственный интеллект не отставал от подобных технологий на рынке.

Переходя к рассмотрению лица, организовавшего функционирование искусственного интеллекта (лицо, организовавшее применение (использование) искусственного интеллекта [18, с. 3] (лицо-организатор)), в качестве субъекта предлагаемого нами смежного права, заметим, что о закреплении за таким лицом прав на продукты, созданные искусственным интеллектом, как о важном нововведении говорится в Докладе Высшей школы экономики 2021 года. В частности, в нем отмечается, что достоинством этого подхода является «стимулирование процесса создания новых результатов интеллектуальной деятельности и обеспечение владельцу искусственного интеллекта возможности эффективно осуществлять его коммерческую эксплуатацию. Именно эта фигура является той точкой, воздействуя на которую можно стимулировать, возможно, эффективное применение искусственного интеллекта. От этого лица зависит, какие результаты и с какими характеристиками будут созданы» [15, с. 21]. Действительно, такой подход нам представляется очень продуктивным. Однако необходимо прояснить некоторые ключевые моменты. К примеру, по этому поводу В. О. Калятин отмечает, что при таком подходе права на созданные продукты будут возникать непосредственно у лица-организатора, а не у физического лица-оператора, которое осуществляет работу с применением искусственного интеллекта. При этом исследователь указывает, что по мере развития искусственного интеллекта оператор всего лишь будет выполнять технические функции. Он сравнивает эту ситуацию с предусмотренным в законе случаем, когда права возникают непосредственно у организатора определенной деятельности – изготовителя базы данных

или фонограммы, при этом операторы, занимающиеся введением данных в систему, даже не упоминаются [19, с. 39].

Сказанное В. О. Калятиным, как правило, отражает случаи, когда лицо своими усилиями собирает персонал, обеспечивает им доступ к технологиям искусственного интеллекта, формирует и ставит перед ними конкретные задачи по созданию результатов интеллектуальной деятельности с использованием такой технологии, оплачивает им выполненный труд. Здесь речь идет именно о лице, которое организует процесс, но сам фактически не выполняет какие-либо работы. В данном случае возникает вопрос: если лицо-пользователь, которое без руководства кого-либо (то есть лица-организатора), самостоятельно своими усердиями с помощью искусственного интеллекта создает результат интеллектуальной деятельности, то в таком случае он не наделяется правом, остается без правового обеспечения? Следует признать, что на рынке доля продуктов, созданных такими лицами с использованием искусственного интеллекта, большая. Они, как и лица-организаторы, вносят свой вклад и всячески предпринимают усилия для создания новых соответствующих продуктов, и потому также нуждаются в стимулировании. Исходя из сказанного, мы предлагаем расширить круг лиц, организовавших применение искусственного интеллекта, лицом-пользователем, которое без руководства кого-либо, самостоятельно с применением искусственного интеллекта создает новые результаты интеллектуальной деятельности. Однако следует подчеркнуть, что такое расширенное понимание – «лицо, организовавшее использование искусственного интеллекта» – допускается только тогда, когда лица-организатора нет в процессе создания. А в случае его участия лицо-пользователь будет выступать как привлеченный (наемный работник) для выполнения порученных лицом-организатором работ (поставленных задач), которые будут оплачиваться последним. Соответственно, исключительные смежные права на продукты, созданные с применением искусственного интеллекта, будут принадлежать лицу-организатору.

Другим важным моментом считается определение срока действия исключительного смежного права лица-организатора. Здесь прежде всего необходимо понимать, что смежные права по объему и сроку действия ограничены в сопоставлении с авторскими правами. Исходя из этого, а также природы создаваемых продуктов, срок действия исключительного смежного права лица-организатора должен быть значительно ограниченным. Такой подход прежде всего обоснован в целях обеспечения интересов авторов, которые самостоятельно, творчески и через трудоемкую работу создают результаты интеллектуальной деятельности. Как известно, для продуктов, создаваемых искусственным интеллектом, не

требуется больших усилий, времени и расходов. В складывающейся ситуации, если (в отличие от исключительного авторского права) существенно не редуцировать срок исключительного смежного права на такие продукты, лица, безусловно, не видя принципиальной разницы в правовом стимулировании, выберут легкий путь – будут всячески прибегать к искусственному интеллекту для создания продуктов интеллектуального труда, что нанесет колоссальный ущерб творческому потенциалу общества и культурному наследию. Ограничение срока исключительного смежного права на продукты, созданные искусственным интеллектом, можно также объяснить тем, что такие продукты в обществе быстро теряют свою экономическую ценность – из-за их массовости, отсутствия «отпечатков» личности человека и т. д. Поэтому правообладателю достаточно и короткого времени, в пределах которого он мог бы удовлетворить свои имущественные интересы, то есть возратить инвестицию.

В отношении срока действия исключительного права на продукты, созданные искусственным интеллектом, в юридической литературе высказаны разные мнения. В частности, Р. М. Рахматулина, рассматривая результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, как объекты авторских прав, отмечает, что срок действия исключительного права на них должен составлять 25 лет с момента их создания [35, с. 18]. Как уже упоминалось нами ранее, эксперты, участвовавшие в разработке Протокола к Бернской конвенции, предложили установить срок действия исключительного права на произведения искусства, аналогичный озвученному Р. М. Рахматулиной, а для других категорий произведений ими был предложен срок в 50 лет с момента их создания. Следует отметить, что столь продолжительные сроки были обоснованы с точки зрения авторского права, которое, как мы ранее подчеркивали, характеризуется более широким объемом прав и более длительным сроком их действия по сравнению со смежными правами.

Между тем авторы упомянутого ранее Доклада Высшей школы экономики в качестве срока действия исключительного права лица-организатора предлагают временные рамки от 25 до 50 лет [15, с. 27–28]. Кроме того, в правовой литературе можно заметить высказывание о годовом сроке действия исключительного права на продукты, созданные с помощью искусственного интеллекта [47, с. 134].

В рамках данного исследования мы намерены использовать в качестве ориентира срок действия исключительного смежного права издателей прессы на онлайн-использование их публикаций¹,

с внесением соответствующих корректировок. Процесс законодательного закрепления данного срока в Директиве об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке представляет собой предмет особого интереса. Первоначальная версия проекта Директивы предусматривала срок в 12 лет, однако в ходе дальнейших консультаций он был пересмотрен: сначала сокращен до 1 года, затем увеличен до 5 лет и в настоящее время составляет 2 года [28, с. 60]. Указанные изменения подтверждают, что данный вопрос тщательно изучался. Принимая во внимание природу объектов, отметим, что установленный период действия исключительного права на них выглядит вполне логичным. В отношении результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, мы считаем целесообразным установить пятилетний срок, по истечении которого они перейдут в общественное достояние. Такой временной промежуток, как нам представляется, сбалансирует интересы всех сторон: правообладателей, создателей технологий, авторов, занимающихся творческим трудом, и общества в целом.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что появление технологии искусственного интеллекта генеративного типа сильно отразилось на развитии различных общественных отношений, особенно в сфере интеллектуальных прав. С применением такой технологии создается множество результатов интеллектуальной деятельности (и их число увеличивается немислимо) – музыкальные произведения, кинофильмы, фотографии и проч., что обусловило незамедлительное законодательное регулирование в этой сфере. Однако сложностью на этом пути является быстрая и трудно поддающаяся прогнозированию динамика развития самого искусственного интеллекта, который обновляется и модернизируется так, что порождает всё больше неопределенности. В этих же условиях сложные задачи возникают и перед правовой доктриной, которая, тем не менее, своевременно реагирует на все эти процессы. В научной среде появляется очень много различных позиций, которые могут быть полезны законодателю для выработки норм, регламентирующих отношения, связанные с созданием продуктов интеллектуального труда с применением искусственного интеллекта.

В сложившейся ситуации считаем принятие Постановления Правительства «Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года» от 30 сентября 2022 г. № 483 своевременным шагом.

¹ Право издателей прессы на онлайн-использование их публикаций со вступлением в силу Директивы (ЕС) 2019/790 (от 17 апр. 2019 г.) призналось как новое смежное право. В Республике Таджикистан на текущий момент такое право не имеет законодательного закрепления.

Проанализировав природу искусственного интеллекта, уровень его развития на текущий момент, осмыслив различные точки зрения исследователей, считаем нецелесообразным наделение искусственного интеллекта правосубъектностью в целях интеллектуального права. Поэтому представляется вполне обоснованным и правильным подход, заложенный в Стратегии, согласно которому искусственный интеллект рассматривается как объект, а не субъект права. Искусственный интеллект как сложный результат интеллектуальной деятельности является программой для ЭВМ, что делает его объектом авторских прав.

Мы полагаем, что в отношении концепции сильного искусственного интеллекта, как она представлена в доктрине, отечественной правовой науке следует уделить особое внимание обозначенной проблематике. Крайне важно провести глубокий анализ потенциальных последствий – как благоприятных, так и неблагоприятных – ситуации, если сильный искусственный интеллект будет наделен правосубъектностью. Это может быть реализовано через создание специализированной формы юридического лица или введение понятия «электронное лицо», а также других инновационных правовых конструкций.

Для реализации положений пункта 47 Стратегии, где указывается необходимость принятия мер по разработке и совершенствованию нормативных правовых актов, затрагивающих интеллектуальные права, предлагаем для результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта, определить режим смежных прав. В статусе первоначального правообладателя (субъекта) такого исключительного смежного права предлагается признать лицо, организовавшее создание результата интеллектуальной деятельности с использованием искусственного интеллекта. Предлагаем ограничить срок действия исключительного смежного права этого лица пятью годами с момента создания.

В целях поощрения усердия разработчика (разработчиков) искусственного интеллекта и защиты его (их) интересов в создании новых технологий предлагается предоставить ему (им) право требования на указание наименования разработанных им (ими) технологий в продуктах интеллектуального труда, созданных с их использованием.

Целесообразно внести разъяснения относительно применения норм авторского права к результатам интеллектуальной деятельности, при создании которых был задействован искусственный интеллект. В случаях, когда искусственный интеллект использовался человеком исключительно для выполнения вспомогательных функций, таких как проверка, обработка, изменение или иная корректировка материала, или когда человек, взаимодействуя с искусственным интеллектом,

создал результат интеллектуальной деятельности и затем существенно (на концептуальном уровне) доработал его своим творческим трудом, внося собственную идею и обеспечив ее индивидуальность, такой результат подпадает под действие авторско-правовой охраны. Лицо, осуществившее указанный творческий вклад, признается автором и наделяется личными неимущественными правами, предусмотренными Законом РТ об авторском праве.

В контексте текстовых запросов (промттов) мы не дифференцируем их по признаку «творческой» или простоты, поскольку ключевым аспектом для нас является оценка конечного продукта на предмет его оригинальности и/или уникальности. Примечательно, что даже простые запросы способны создавать оригинальные произведения, потенциально обладающие общественной значимостью. Однако вопрос об их (промттов) охраноспособности в рамках авторского права представляется нам дискуссионным. Полагаем, что уровень творческого вклада в текстовые запросы, как правило, не соответствует требованиям, предъявляемым для авторско-правовой защиты. Более того, мы солидарны с доводами, изложенными в доктрине, которые оспаривают отнесение текстовых запросов к объектам авторских прав, ссылаясь на следующие причины: 1) их формулирование преимущественно направлено на решение конкретных практических задач; 2) промт является лишь инструментом постановки задачи перед искусственным интеллектом; 3) при его составлении доминирующую роль играют профессиональные навыки, а не креативность.

Библиографический список

1. *Артемова А. Н.* Правосубъектность искусственного интеллекта с позиции экономического анализа права // *Respublica Literaria*. 2025. Т. 6, № 4. С. 176–183. DOI 10.47850/RL.2025.6.4
2. *Балашова А. И.* Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2022. № 2(36). С. 90–98.
3. *Балашова А. И.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2023. № 3(41). С. 190–206. DOI 10.58741/23134852_2023_3_20.
4. *Болотова Л. С.* Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: учебник. М.: Финансы и статистика. 2012. 664 с.
5. *Борисова Л. В.* О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19, № 8. С. 100–113. DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.100–113

6. Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158. DOI 10.17223/22253513/45/10
7. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 5–20.
8. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–22.
9. Вольфсон В. Л. Творчество или уникальность? Фотографические произведения в фокусе охраноспособности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2(44). С. 172–195. DOI 10.58741/23134852_2024_2_10.
10. Гаджиев Г. А., Войничанис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48. DOI 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48.
11. Гульбин Ю. Актуальные проблемы правовой охраны программного обеспечения ЭВМ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2002. № 10. С. 38–41.
12. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.
13. Диас Мартинс Р. Авторство без автора: правовые аспекты произведений, созданных ИИ // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 51, № 4. С. 143–152. DOI 10.17323/tis.2024.23978
14. Диллон Т. К дискуссии – необходимо ли менять подходы к пониманию творческой деятельности, учитывая стремительное развитие технологий и генеративных искусственного интеллекта – систем? // Евразийский журнал права интеллектуальной собственности. 2025. № 2. С. 22–23.
15. Доклад НИУ ВШЭ «Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы» / рук. авт. колл. В. О. Калятин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 28 с.
16. Евдокимов Р. А. Правовое регулирование охраны компьютерных программ: теоретические и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 213 с.
17. Ерохина Е. Авторские права на произведения, созданные искусственным интеллектом // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sozdannye_iskusstvennym_intellektom
18. Калятин В. О. Законодательство об интеллектуальной собственности: от прошлого к будущему // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 3 (45). С. 1–4. DOI 10.58741/23134852_2024_3_1
19. Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 4. С. 24–50. DOI 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50
20. Карцхия А. А. Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 23–30.
21. Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 75–119.
22. Кирсанова Е. Е. Обзор основных теорий определения правового режима объектов, созданных искусственным интеллектом // Закон. 2023. № 9. С. 36–46. DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-9-36-46
23. Ковалева Н. Н., Рожкова М. А. Является ли промпт объектом авторского права: аргументы «за» и «против» // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025 Т. 55, № 4. С. 107–115. DOI 10.17323/tis.2025.28904
24. Кузнецова Н. В. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Право и бизнес. 2025. № 2. С. 25–32. DOI 10.18572/2712-8865-2025-2-25-32
25. Куликова Е. В. Влияние новых технологий на развитие авторского права и смежных прав: договоры, законодательство, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 31 с.
26. Луткова О. Проблема охраноспособности произведений с незначительным уровнем творчества и повторных произведений в авторском праве зарубежных государств и РФ // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 8. С. 5–16.
27. Матвеев А. Г., Синельникова В. Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 281–309. DOI 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309
28. Матвеев А. Г. Идея смежных прав и их разновидности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 54–60.
29. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.
30. Мусина К. С. Идентификация правосубъектности искусственного интеллекта: кросс-национальный анализ законодательств зарубежных стран // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 1. С. 135–147. DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-1-135-147

31. *Насиров Х. Т.* Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений по законодательству Республики Таджикистан // Академический юридический журнал. 2021. № 4. С. 111–113.
32. *Наумов В. Б., Тютюк Е. В.* К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62, № 3. С. 531–540. DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.307
33. *Нестеров А. В.* Возможны ли правоотношения и юридические взаимодействия между людьми и роботами? // Юридический мир. 2017. № 8. С. 57–60.
34. *Овчинников И. В.* Генеративный искусственный интеллект и авторское право // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). С. 74–82. DOI 10.58741/23134852_2025_1_1
35. *Рахматулина Р. М.* Концептуальные основы построения системы объектов авторского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 376 с.
36. *Савельева И. В.* Правовая охрана программного обеспечения ЭВМ // Право и информатика: сб. ст. / под ред. Е. А. Суханова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 9–24.
37. *Самарцева Н. В.* Определение понятия искусственного интеллекта на современном этапе развития технологии // Проблемы права. 2025. Т. 2(98). С. 43–57. DOI 10.24412/2075-7913-2025-2(98)-43-57
38. *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2004. 752 с.
39. *Сесицкий Е. П.* Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 218 с.
40. *Синельникова В. Н., Ревинский О. В.* Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17–27.
41. *Сулаймонов Ф. С.* Гражданско-правовые вопросы использования искусственного интеллекта в Республике Таджикистан // Концептуальные основы правового регулирования цифровой экономики в странах СНГ: кол. монография // под ред. З. И. Исмиловой, Д. А. Сидикова Душанбе: РТСУ, 2025. 700 с.
42. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовых проблемах цифровизации // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1. С. 37–52.
43. *Тютчева Е. С.* Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2 (12). С. 50–58. DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-50-58
44. *Ужов Ф. В.* Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.
45. *Филипова, И. А., Коротеев, В. Д.* Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (2). С. 359–386.
46. *Харитонов Ю. С., Савина В. С.* Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524–549. DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549
47. *Чернышов М. С.* Проблема распределения интеллектуальных прав на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом // Труды по интеллектуальной собственности (Works in Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 124–137. DOI 10.17323/tis.2024.21721
48. *Шахназарова Э. А.* Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2021. № 2 (32). С. 34–45.
49. *Шебанова Н. А.* К вопросу об охраноспособности фотографических произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 1 (43). С. 62–69. DOI 10.58741/23134852_2024_1_5
50. *Ястребов О. А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 3. С. 315–328. DOI 10.22363/2313-2337-2018-22-3-315-328
51. *Bently L., Sherman B.* Intellectual Property Law. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. 1296 p.
52. *Bond T., Blair S.* Artificial Intelligence & Copyright: Section 9(3) or Authorship Without an Author // Journal of Intellectual Property Law & Practice. 2019. Vol. 14, Issue 6. Pp. 423. DOI 10.1093/JIPLP/JPZ056
53. *Castro, D. New J.* The Promise of Artificial Intelligence / Center for Data Innovation. Washington, DC, 2016. 46 p.
54. 1967 – “Shakey” – Charles Rosen, Nils Nilsson, Bertram Raphael et al (American). 2010. URL: <http://cyberneticzoo.com/cyberneticanimals/1967-shakey-charles-rosen-nils-nilsson-bertram-raphael-et-al-american>
55. *Clark R., Smyth S.* Intellectual Property Law in Ireland. Dublin: Butterworths, 1997. 837 p.
56. *Davies C. R.* An Evolutionary Step in Intellectual Property Rights – Artificial Intelligence and Intellectual Property // Computer Law and Security Review. 2011. Vol. 27. Issue 6. Pp. 601–619.
57. *Ginsburg J. C.* People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention // IIC; International Review of Industrial Property and Copyright Law. 2018. Issue 2 (49). Pp. 131–135. DOI 10.1007/s40319-018-0670-x
58. *Goold P.* The Curious Case of Computer-Generated Works under the Copyright, Designs and Patents Act 1988 (City Law School Research Paper 2021/03). London, UK: The City Law School, 2021. 22 p.
59. *Kaur J.* Intellectual Property Law in Times of Artificial Intelligence: is It a Misnomer to Consider the Bot a Possible IP Right Holder? // Journal of Legal Studies and Research. 2016, December. Vol. 2. Issue. 6. Pp. 45–47.

60. Kretschmer M., Meletti B., Porangaba L. H. Artificial Intelligence and Intellectual Property: Copyright and Patents – a Response by the CREATE Centre to the UK Intellectual Property Office's Open Consultation // *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2022. Vol. 17. Issue. 3, Pp. 321–326.

61. Maia Alexandre F. The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control: Master of Laws Thesis; Tilburg University. Tilburg, 2017. 68 p.

62. Moriggi A. The role of intellectual property in the intelligence explosion // 4iP Council Research Award Winner 2017 (Second Place). 13 p.

63. Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics. Study. European Parliament's Legal Affairs Committee. 2016. 29 p.

64. Prange D., Lawson A. Re-Evaluating Companies' AI Protection Strategies // *Managing IP Magazine*. February 2018. Pp. 35–38.

65. Preparatory Document for and Report of the First Session of the Committee of Experts on a Possible Protocol to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Geneva, November 4 to 8, 1991) // Copyright. Monthly Review of the World Intellectual Property Organization (WIPO). 1992. Issue 2. Pp. 30–53.

66. Rahmatian A. Originality in UK Copyright Law: The Old «Skill and Labour» Doctrine Under Pressure // *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2013. Vol. 44. Issue 1. Pp. 4–34. DOI 10.1007/S40319-012-0003-4

67. Ramalho A. Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems // *Journal of Internet Law*. 2017. Vol. 21. Issue 1. Pp. 12–25. DOI 10.2139/ssrn.2987757

68. Ruipérez C. et al. New Challenges of Copyright Authorship in AI / C. Ruipérez, E. Gutiérrez, C. Puente, J. A. Olivas // *Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence*. Las Vegas, 2017. Pp. 291–296.

69. Tianxiang He. AI Originality Revisited: Can We Prompt Copyright over AI-Generated Pictures? // *GRUR International*. 2024. Vol. 73. Issue 4. Pp. 299–307. DOI 10.1093/grurint/ikae024

70. Vaver D. Translation and Copyright: A Canadian Focus // *European Intellectual Property Review*. 1994. Vol. 16. Issue 4. Pp. 159–166.

References

1. Artemova A. N. The Legal Personality of Artificial Intelligence from the Perspective of the Economic Analysis of Law. *Respublica Literaria*. 2025. Vol. 6. Issue 4. Pp. 176–183. DOI 10.47850/RL.2025.6.4 (In Russ.)

2. Balashova A. I. Iskusstvennyi intellekt v avtorskom i patentnom prave: obiekty, subiektnyi sostav pravootnoshenii, sroki pravovoi okhrany [Artificial intelligence in Copyright and Patent Law: Objects,

Parties to Legal Relations, Terms of Legal Protection]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2022. Issue 2 (36). Pp. 90–98. (In Russ.)

3. Balashova A. I. The Legal Regime of Artificial Intelligence Activity Results: Unity and Differentiation of Approaches. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2023. Issue 3 (41). Pp. 190–206. DOI 10.58741/23134852_2023_3_20 (In Russ.)

4. Bolotova L. S. *Sistemy iskusstvennogo intellekta: modeli i tekhnologii, osnovannye na znaniyakh* [Artificial Intelligence Systems: Knowledge-Based Models and Technologies]. Moscow, 2012. 664 p. (In Russ.)

5. Borisova L. V. On the Concept of Artificial Intelligence and the Legal Regime of AI-Generated Results Without the Creative Participation of an Individual. *Actual Problems of Russian Law*. 2024. Vol. 19. Issue 8. Pp. 100–113. DOI 10.17803/1994-1471.2024.165.8.100-113 (In Russ.)

6. Vavilin E. V. The Status of Artificial Intelligence: From Object to the Subject of Legal Relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 2022. Issue 45. Pp. 147–158. DOI 10.17223/22253513/45/10 (In Russ.)

7. Vitko V. Analiz nauchnykh predstavlenii ob avtore i pravakh na rezultaty deiatelnosti iskusstvennogo intellekta [Analysis of Scientific Views Regarding Authorship and Rights to the Results of AI Activity]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava – Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2019. Issue 2. Pp. 5–20. (In Russ.)

8. Vitko V. Analiz nauchnykh predstavlenii ob avtore i pravakh na rezultaty deiatelnosti iskusstvennogo intellekta [Analysis of Scientific Views Regarding Authorship and Rights to the Results of AI Activity (continued)]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava – Intellectual Property. Copyright and Related Rights*. 2019. Issue 3. Pp. 5–22. (In Russ.)

9. Volfson V. L. Tvorchestvo ili unikalnost? Fotograficheskie proizvedeniia v fokuse okhranosposobnosti [Creativity or Uniqueness: Photographic Works in the Focus of Protectability]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2024. Issue 2 (44). Pp. 172–195. DOI 10.58741/23134852_2024_2_10 (In Russ.)

10. Gadzhiev G. A., Voinikanis E. A. Could Robot Be a Legal Subject (in search of legal forms for digital economy regulation). *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Issue 4. Pp. 24–48. DOI 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48 (In Russ.)

11. Gulbin Iu. Aktualnye problemy pravovoi okhrany programmnogo obespecheniia EVM [Topical problems in the legal protection of computer software] *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava – Intellectual property. Copyright and Related Rights*. 2002. Issue 10. Pp. 38–41. (In Russ.)

12. Gurko A. Iskusstvennyi intellekt i avtorskoe pravo: vzgliad v budushchee [Artificial Intelligence and

Copyright: A Look into the Future]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* – Intellectual property. Copyright and Related Rights. 2017. Issue 12. Pp. 7–18. (In Russ.)

13. Dias Martins R. Authorship Without an Author: Legal Aspects of Works Created By AI. *Works on Intellectual Property*. 2024. Vol. 51. Issue 4. Pp. 143–152. (In Russ.)

14. Dillon T. K diskussii – neobkhodimo li meniat podkhody k ponimaniu tvorcheskoi deiatelnosti, uchityvaia strimitelnoe razvitie tekhnologii i generativnykh iskusstvennogo intellekta – sistem? [For Discussion: Is It Necessary to Revise Approaches to Understanding Creative Activity, Given the Rapid Development of Technologies and Generative AI Systems?]. *Evraziyskiy jurnal prava intellektualnoy sobstvennosti* – Eurasian Journal of Intellectual Property Law. 2025. Issue 2. Pp. 22–23 (In Russ.)

15. HSE University Report “The problem of Machine Creativity in the System of Law: Regulation of the Creation and Use of Intellectual Property Objects Using Artificial Intelligence, Foreign Experience and Russian Prospects”. Moscow, 2021. 28 p. (In Russ.)

16. Evdokimov R. A. *Pravovoe regulirovanie okhrany kompiuternykh programm: teoreticheskie i prakticheskie problem* [Legal Regulation of the Protection of Computer Programs: Theoretical and Practical Issues]. Cand. jurid. sci. diss. Moscow. 2015. 213 p. (In Russ.)

17. Erokhina E. Copyright to Works Created by Artificial Intelligence. *Zakon.ru* [website]. Available at: https://zakon.ru/blog/2024/5/25/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sozdannye_iskusstvennym_intellektom (In Russ.)

18. Kalyatin V. O. Zakonodatelstvo ob intellektualnoi sobstvennosti: ot proshlogo k budushchemu [Legislation on Intellectual Property: From the Past to the Future]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2024. Issue 3 (45). Pp. 1–4. DOI 10.58741/23134852_2024_3_1 (In Russ.)

19. Kalyatin V. O. Opredelenie subieekta prav na rezultaty intellektualnoi deiatelnosti, sozdannye s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta i ego vliianie na razvitie grazhdanskogo zakonodatelstva [Establishing of Subject of Rights to Intellectual Property Created With Use of Artificial Intelligence]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. Vol. 15. Issue 4. Pp. 24–50. DOI 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50 (In Russ.)

20. Kartskhiia A. A. Iskusstvennyi intellekt: “Iarets Pandory” ili novaia nadezhda? [Artificial Intelligence: “Pandora's Box” or a New Hope?]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* – Intellectual property. Copyright and Related Rights. 2017. Issue 4. Pp. 23–30. (In Russ.)

21. Kashanin A. V. Tvorcheskii kharakter kak uslovie okhranosposobnosti proizvedeniia v rossiiskom i inostrannom avtorskom prave [Creative Character As a Condition for the Protectability of a Work in Russian and Foreign Copyright Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2007. Issue 2. Pp. 75–119. (In Russ.)

22. Kirsanova E. E. Review of the Main Theories of Determining the Legal Regime of Objects Created By Artificial Intelligence. *Zakon*. 2023. Issue 9. Pp. 36–46. DOI 10.37239/0869-4400-2023-20-9-36-46 (In Russ.)

23. Kovaleva N. N., Rozhkova M. A. Whether Prompt is an Object of Copyright: Pros and Cons. *Works on Intellectual Property*. 2025 Vol. 55. Issue 4. Pp. 107–115. DOI 10.17323/tis.2025.28904 (In Russ.)

24. Kuznetsova N. V. K voprosu o pravosubieektnosti iskusstvennogo intellekta [On the Legal Personality of Artificial Intelligence]. *Law and Business*. 2025. Issue 2. Pp. 25–32. DOI 10.18572/2712-8865-2025-2-25-32 (In Russ.)

25. Kulikova E. V. *Vliianie novykh tekhnologii na razvitie avtorskogo prava i smezhnykh prav: dogovory, zakonodatelstvo, praktika* [The Impact of New Technologies on the Development of Copyright and Related Rights: Agreements, Legislation, Practice]. Abstr. Cand. jurid. sci. diss. Moscow. 2001. 31 p. (In Russ.)

26. Lutkova O. Problema okhranosposobnosti proizvedenii s neznachitelnyim urovnem tvorchestva i povtornykh proizvedenii v avtorskom prave zarubezhnykh gosudarstv i RF [The Problem of the Protectability of Works With an Insignificant Level of Creativity and Derivative Works in the Copyright Law of Foreign Countries and the Russian Federation]. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava* – Intellectual property. Copyright and Related Rights. 2016. Issue 8. Pp. 5–16. (In Russ.)

27. Matveev A. G., Sinelnikova V. N. Intellectual Property Objects Acquiring Protection in the 21st Century. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue. 44. Pp. 281–309. DOI 10.17072/1995-4190-2019-44-281-309 (In Russ.)

28. Matveev A. G. Ideia smezhnykh prav i ikh raznovidnosti [The Idea of Related Rights and Their Varieties]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2019. Issue 24. Pp. 54–60. (In Russ.)

29. Morkhat P. M. *Pravosubieektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problem* [Legal Personality of Artificial Intelligence in Intellectual Property Law: Civil Law Problems]. Dr. jurid. sci. diss. Moscow, 2018. 420 p. (In Russ.)

30. Musina K. S. Identifikatsiia pravosubieektnosti iskusstvennogo intellekta: krossnatsionalnyi analiz zakonodatelstv zarubezhnykh stran [Theoretical Aspects of Identifying Legal Personality of Artificial Intelligence: Cross-National Analysis of the Laws of Foreign Countries]. *RUDN Journal of Law*. 2023. Vol. 27. Issue 1. Pp. 135–147. DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-1-135-147 (In Russ.)

31. Nasirov Kh. T. Nematerialnye blaga kak ob’ekt grazhdanskikh pravootnoshenij po zakonodatelstvu Respubliki Tadjikistan [Intangible Assets As an Object of Civil Legal Relations Under the Legislation of the Republic of Tajikistan]. *Akademicheskiiy yuridicheskiiy jurnal* – Academic Law Journal. 2021. Issue. 4. Pp. 111–113. (In Russ.)

32. Naumov V. B., Tytiuk E. V. On the Legal Status of the "Art" of the Artificial Intelligence. *Pravovedenie*. 2018. Vol. 62. Issue 3. Pp. 531–540. DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.307 (In Russ.)
33. Nesterov A. V. *Vozmozhny li pravootnosheniia i iuridicheskie vzaimodeistviia mezhdru liudmi i robotami?* [Are Legal Relationships and Interactions Between People and Robots Possible?]. Moscow, 2016. 14 p. (In Russ.)
34. Ovchinnikov I. V. Generativnyi iskusstvennyi intellekt i avtorskoe parvo [Generative Artificial Intelligence and Copyright Law]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2025. Issue 1 (47). Pp. 74–82. DOI 10.58741/23134852_2025_1_1 (In Russ.)
35. Rakhmatulina R. M. *Kontseptualnye osnovy postroeniia sistemy obiektov avtorskogo prava* [Conceptual foundations for constructing a system of copyright objects]. Dr. jurid. sci. diss. Moscow, 2020. 376 p. (In Russ.)
36. Saveleva I. V. *Pravovaia okhrana programmno-go obespecheniia EVM. Sbornik statey «Pravo i informatika»* [Legal Protection of Computer Software. A Collection of Articles "Law and Computer Science"]. Moscow, 1990. Pp. 9–24. (In Russ.)
37. Samartseva N. V. *Opredelenie poniatiia iskusstvennogo intellekta na sovremennom etape razvitiia tekhnologii* [Definition of the Concept of Artificial Intelligence at the Present Stage of Technology Development]. *Issues of Law*. 2025. Vol. 2 (98). Pp. 43–57. DOI 10.24412/2075-7913-2025-2(98)-43-57 (In Russ.)
38. Sergeev A. P. *Pravo intellektualnoi sobstvennosti v Rossiiskoi Federatsii* [Intellectual Property Law in the Russian Federation]. Moscow, 2005. 752 p. (In Russ.)
39. Sesitskiy E. P. *Problemy pravovoi okhrany rezultatov, sozdavaemykh sistemami iskusstvennogo intellekta* [Problems of legal protection of results created by artificial intelligence systems]: Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2018. 218 p. (In Russ.)
40. Sinelnikova V. N., Revinskiy O. V. Prava na rezultaty iskusstvennogo intellekta [Rights to the Results of Artificial Intelligence]. *Copyright*. 2017. Issue 4. Pp. 17–27. (In Russ.)
41. Sulaimonov F. S. *Grazhdansko-pravovye voprosy ispolzovaniia iskusstvennogo intellekta v Respublike Tadjikistan*. Kontseptualnye osnovyi pravovogo regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki v stranah SNG [Civil and Legal Issues of the Use of Artificial Intelligence in the Republic of Tajikistan. Conceptual Foundations of Legal Regulation of the Digital Economy in the CIS Countries]. Dushanbe, 2025. 700 p. (In Russ.)
42. Sukhanov E. A. O grazhdansko-pravovykh problemakh tsifrovizatsii [On Civil Law Issues of Digitalization]. *Herald of Civil Procedure*. 2025. Issue 1. Pp. 37–52. (In Russ.)
43. Tiutcheva E. S. Legal Personality of an "Electronic Person": Theoretical Analysis. *Theoretical and Applied Law*. 2022. Issue 2(12). Pp. 50–58. DOI 10.22394/2686-7834-2022-2-50-58 (In Russ.)
44. Uzhov F. V. *Iskusstvennyi intellekt kak subiekt prava* [Legal Personality of Artificial Intelligence]. *Probely v rossiiskom zakonodatelstve – Gaps in Russian legislation*. 2017. Issue 3. Pp. 357–360. (In Russ.)
45. Filipova, I. A., Koroteev, V.D. Future of the Artificial Intelligence: Object of Law or Legal Personality?. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Issue 1(2). Pp. 359–386. (In Russ.)
46. Kharitonova Y. S., Savina V. S. Artificial Intelligence Technology and Law: Challenges of Our Time. *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2020. Issue 49. Pp. 524–549. DOI 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549. (In Russ.)
47. Chernyshov M. S. Problema raspredeleniia intellektualnykh prav na proizvedeniia, sgnerirovannye iskusstvennym intellektom [The Problem of Distribution of Intellectual Rights on Artificial Intelligence Generated Works]. *Works in intellectual Property*. 2024. Vol. 49. Issue 2. Pp. 124–137. DOI 10.17323/tis.2024.21721 (In Russ.)
48. Shakhnazarova E. A. Pravovoe regulirovanie otnoshenii, vznikaiushchikh po povodu obiektov intellektualnoi sobstvennosti, sozdannykh tekhnologii iskusstvennogo intellekta, na primere opyta Velikobritanii, SShA i ES [Legal Regulation of Relations Arising Regarding Intellectual Property Objects Created By Artificial Intelligence Technology, Based on the Experience of the UK, the USA and the EU]. *Zhurnal suda po intellektualnym pravam*. 2021. Issue 2 (32). Pp. 34–45. (In Russ.)
49. Shebanova N. A. K voprosu ob okhranosposobnosti fotograficheskikh proizvedenii [On the Protectability of Photographic Works]. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2024. Issue 1 (43). Pp. 62–69. DOI 10.58741/23134852_2024_1_5 (In Russ.)
50. Yastrebov O. A. Artificial Intelligence in the Legal Space. *RUDN Journal of Law*. 2018. Vol. 22. Issue 3. Pp. 315–328. DOI 10.22363/2313-2337-2018-22-3-315-328 (In Russ.)
51. Bently L., Sherman B. *Intellectual Property Law*. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. 1296 p. (In Eng.)
52. Bond T., Blair S. Artificial Intelligence & Copyright: Section 9(3) or Authorship Without an Author. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2019. Vol. 14. Issue. 6. Pp. 423. DOI 10.1093/JIPLP/IPZ056 (In Eng.)
53. Castro, D. New J. *The Promise of Artificial Intelligence*. Center for Data Innovation. Washington, DC, 2016. 46 p. (In Eng.)
54. 1967 – "Shakey" – Charles Rosen, Nils Nilsson, Bertram Raphael et al (American). 2010. Available at: <http://cyberneticzoo.com/cybernetic-animals/1967-shakey-charles-rosen-nils-nilsson-bertram-raphael-et-al-american> (In Eng.)
55. Clark R., Smyth S. *Intellectual Property Law in Ireland*. Dublin: Butterworths, 1997. 837 p. (In Eng.)

56. Davies C. R. An Evolutionary Step in Intellectual Property Rights – Artificial Intelligence and Intellectual Property. *Computer Law and Security Review*. 2011. Vol. 27. Issue 6. Pp. 601–619. (In Eng.)

57. Ginsburg J. C. People Not Machines: Authorship and What It Means in the Berne Convention. *IIC – International Review of Industrial Property and Copyright Law*. 2018. Issue 2 (49). Pp. 131–135. DOI 10.1007/s40319-018-0670-x (In Eng.)

58. Goold P. *The Curious Case of Computer-Generated Works Under the Copyright, Designs and Patents Act 1988* (City Law School Research Paper 2021/03). London, UK: The City Law School, 2021. 22 p. (In Eng.)

59. Kaur J. Intellectual Property Law in Times of Artificial Intelligence: Is It a Misnomer to Consider the Bot a Possible IP Right Holder? *Journal of Legal Studies and Research*. 2016, December. Vol. 2. Issue. 6. Pp. 45–47. (In Eng.)

60. Kretschmer M., Meletti B., Porangaba L. H. Artificial intelligence and intellectual property: copyright and patents – a response by the CREATE Centre to the UK Intellectual Property Office's open consultation. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2022. Vol. 17. Issue. 3. Pp. 321–326. (In Eng.)

61. Maia Alexandre F. The Legal Status of Artificially Intelligent Robots: Personhood, Taxation and Control: Master of Laws Thesis; Tilburg University. Tilburg, 2017. 68 p. (In Eng.)

62. Moriggi A. The Role of Intellectual Property in the Intelligence Explosion (4iP Council Research Award Winner 2017, Second Place). 13 p. Available at: https://www.4ipcouncil.com/application/files/9615/1638/1031/The_Role_of_Intellectual_Property_in_the_Intelligence_Explosion.pdf (In Eng.)

Информация об авторе:

Д. А. Сидиков

Кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры гражданского права

Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30

ORCID: 0009-0007-3954-3159

ResearcherID: RCH-3541-2026

63. Nevejans N. *European Civil Law Rules in Robotics*. Study. European Parliament's Legal Affairs Committee. 2016. 29 p. (In Eng.)

64. Prange D., Lawson A. Re-Evaluating Companies' AI Protection Strategies. *Managing IP Magazine*. 2018. February. Pp. 35–38. (In Eng.)

65. Preparatory Document for and Report of the First Session of the Committee of Experts on a Possible Protocol to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Geneva, November 4–8, 1991). Copyright. *Monthly Review of the World Intellectual Property Organization (WIPO)*. 1992. Issue 2. Pp. 30–53. (In Eng.)

66. Rahmatian A. Originality in UK Copyright Law: The Old "Skill and Labour" Doctrine Under Pressure. *International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 2013. Vol. 44. Issue 1. Pp. 4–34. DOI 10.1007/s40319-012-0003-4 (In Eng.)

67. Ramalho A. Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems. *Journal of Internet Law*. 2017. Vol. 21. Issue 1. Pp. 12–25. DOI 10.2139/ssrn.2987757 (In Eng.)

68. Ruipérez C., Gutiérrez E., Puente C., Olivas J. A. New Challenges of Copyright Authorship in AI. *Proceedings of the 2017 International Conference on Artificial Intelligence*. Las Vegas, 2017. Pp. 291–296. (In Eng.)

69. Tianxiang He. AI Originality Revisited: Can We Prompt Copyright Over AI-Generated Pictures? *GRUR International*. 2024. Vol. 73. Issue 4. Pp. 299–307. DOI 10.1093/grurint/ikae024 (In Eng.)

70. Vaver D. Translation and Copyright: A Canadian Focus. *European Intellectual Property Review*. 1994. Vol. 16. Issue 4. Pp. 159–166. (In Eng.)

About the author:

D. A. Sidiqov

Russian-Tajik (Slavonic) University
30, Mirzo Tursun-zade st., Dushanbe, 734025,
Tajikistan

ORCID: 0009-0007-3954-3159

ResearcherID: RCH-3541-2026